

Вячеслав
Шориков

А ЧТО
БУДЕТ
С НАМИ
ДАЛЬШЕ?..

Геликон
Плюс

Вячеслав Шориков

**А что будет с нами
дальше?.. (сборник)**

«Геликон Плюс»

2014

Шориков В. Ф.

А что будет с нами дальше?.. (сборник) / В. Ф. Шориков —
«Геликон Плюс», 2014

ISBN 978-5-93682-951-2

...на этот раз придётся обойтись без вступительного слова. Впрочем, я не знаю и не хочу знать, чем отличается эротика от порнографии, но я точно знаю — мой роман не об «этом». О чём? Читай и думай.

ISBN 978-5-93682-951-2

© Шориков В. Ф., 2014
© Геликон Плюс, 2014

Содержание

А что будет с нами дальше?.. Роман-воспоминание	6
Четверг, 26 августа 1999-го. Над Атлантикой	8
Пятница, 27 августа 1999 года. Нью-Йорк	12
Суббота, 2 апреля 2011 года. Лахта. Церковь Св. Апостола Петра	16
Пятница, 27 августа 1999 года. Нью-Йорк (продолжение)	17
Осень 1993-го. Санкт-Петербург	18
Суббота, 28 августа 1999 года. Нью-Йорк	23
Весна 1998-го. Санкт-Петербург	28
Суббота, 28 августа 1999 года. Нью-Йорк	30
Суббота, 28 августа 1999 года. Нью-Йорк (продолжение)	38
Родители	39
Воскресенье, 29 августа 1999 года. Нью-Йорк	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вячеслав Шориков

А что будет с нами дальше?

С искренней признательностью и благодарностью Рушану НАСИБУЛИНУ за многолетнее дружеское участие в судьбе автора, которое невозможно переоценить.

Посвящается жене Галине. Она живёт со мной двадцать лет и абсолютно уверена, что я – лучший современный писатель. И при этом являюсь обладателем редких человеческих качеств и мужских достоинств...

Дорогой читатель!

Когда рукопись этого романа была готова, я дал её почитать известному питерскому прозаику, которого искренне уважаю и с которым мы были и есть в дружеских отношениях. Также имел смелость обратиться с просьбой, если понравится, написать предисловие.

Проходит месяц, и я получаю вот такое электронное письмо:

Привет! Роман прочёл. Во многих смыслах он мне интересен. Но! Порнография отличается от эротики изображением возбуждённых половых органов. А твой герой то хуй вытирает, то пристраивает тётку в рабочем кресле, то ещё что... Писать вступительное слово к такому я не могу по эстетическим соображениям.

Извини.

Так что, дорогой читатель, на этот раз придётся обойтись без вступительного слова.

Впрочем, я не знаю и не хочу знать, чем отличается эротика от порнографии, но я точно знаю – мой роман не об «этом».

О чём? Читай и думай.

Не хочешь читать – не читай, тогда и думать не придётся...

С глубочайшим уважением и почтением,

Автор

А что будет с нами дальше?.. Роман-воспоминание

Эта мысль настойчивая. Она – тёмная, мрачная, встаёт в сознании и властно требует ответа. Она проста: а что же будет с нами дальше?

М. Б.

Художник не рассуждает, художник – показывает...

Г. П.

Похоже, это была самая долгая и нудная осень в жизни литератора Максима Зубкова. За окнами старинной финской дачи бесконечной колонной, будто солдаты разбитой армии, тянулись серые непогожие дни.

Каждое утро он садился за компьютер и настукивал по кнопкам клавиатуры с упрямством и настойчивостью дятла.

И пытался делать то, что пытался.

И был уверен: получится только то, что получится.

А если не пытаться – уж точно ничего не получится...

Из дневниковых записей Макса

У меня в гостях был известный питерский теннисист, в своё время входил в юношескую сборную Союза. Человек на редкость доброжелательный и симпатичный.

Часа два с гаком он рассказывал самые разные теннисные байки, одна из которых почему-то не просто запомнилась, а буквально врезалась в память.

...Ленинградский государственный институт физической культуры имени Петра Францевича Лесгафта. Семинарские занятия по анатомии. У преподавателя, молодой, симпатичной, некогда веселой и жизнерадостной дамочки, с год назад умирает грудной ребенок. С тех пор на её лице никто даже намёка на улыбку не видел.

Преподаватель даёт письменное задание на тему «Женские половые органы». Один из студентов пытается незаметно списывать с учебника, который лежит у него на коленях: «Женские половые органы находятся в области таза...»

Тут к нему подходит преподаватель и отбирает учебник. Студент всем своим видом демонстрирует колоссальное напряжение мысли и заканчивает недописанную фразу: «...между ног». И больше ни слова...

Заканчивается тем, что преподавательница берёт листок студента, зачитывает целиком единственную фразу и... покатывается со смеху вместе с другими студентами...

Гостя уже не было, я открыл дневник, чтобы сделать запись этой байки, и тут...

И тут, будто вспышка магния, не остывший ещё мозг озарила мысль, и я наконец-то ясно понял, о чём на самом деле будет мой новый романчик. Это была мечта, и она толкалась во мне все последние годы.

Как, наверное, толкается ребёнок под сердцем матери.

И единственное, что было необходимо, – это наличие подходящего жизненного материала.

И тут же возникла уверенность, что такой жизненный материал у меня есть...

Четверг, 26 августа 1999-го. Над Атлантикой

Двухэтажный пассажирский «Боинг-747» авиакомпании KLM легко, словно дельфин в прыжке, оторвался от бетонной дорожки и круто взмыл, оставляя под крыльями вечерний город Амстердам.

В самолёте не было свободных кресел. Кроме одного. Это место оказалось рядом с Максом. Везение невероятное. Макс ещё в Питере нервничал, мучаясь вопросом: как удастся перенести восьмичасовой прыжок через океан с его не вполне ещё здоровой спиной?..

* * *

Летом Макс всё же решился ставить дом, точнее, избу. Настоящую, деревенскую. Из круглых, грубо отёсанных бревен. В три окна по фасаду.

Сруб у него был. Рубили с братьями ещё в девяностом. Руководил всем отец. Три июльских недели с утра они махали топорами, а по вечерам устраивались в саду. И сидели вокруг мангала с горящими углями. И жарили шашлык из свиной шеи или куриных окорочков. И запивали пивом или красным вином.

И говорили. И не могли наговориться. Как не могут наговориться родные, близкие люди, что живут в разных городах и так редко собираются вместе.

Хорошее было время.

Так они больше никогда не соберутся. Всей семьёй: три брата, отец и мать.

Потом Макс этот сруб раскатал, сложил в саду в два ряда и хранил, прикрытый кусками рубероида. Восемь лет хранил. Не однажды было желание продать сруб – чтобы глаза не мозолил.

Не продал. Жаль было отдавать в чужие руки. И стыдно. Перед братьями. Перед собой, наконец.

И вот решился поставить. Вызвал на подмогу кавказца. Звали его Георгий. Из беженцев. Их теперь немало в дачном посёлке. Ребята в большинстве очень даже приличные – не пьянствуют, ведут себя тихо и незаметно. И держатся особняком. И все как один при деле. Кто чем занимаются – торгуют, шьют, порют, плотничают, водят машины. Для местных мужиков – что-то вроде живого укора.

Георгий должен был появиться с утра, в пятницу, но позвонил, что у младшего сынишки внезапно подскочила температура и они вызвали «скорую».

Макс до этого звонка уже был одет во всё рабочее. Настроился. Даша пыталась его отговаривать. Но отговаривать Макса, когда он что-то решил, дело обыкновенно пустое и бесполезное.

– Забываешь, что тебе скоро полтинник, – махнула рукой Даша.

– Достаточно, что ты это помнишь, – ответил Макс.

И отправился в сад.

К вечеру выставил на фундаментные столбы два первых ряда. На самом что ни на есть пердьячем пару. Лучше не скажешь. Венцы, как и положено, были сработаны из самых толстых кругляков. Вес у них был такой, что у Макса, когда ворочал и укладывал брёвна, жилы звенели, будто струны, а пот капал с носа, точно с мартовской сосульки.

Только на следующее утро он почувствовал в спине неладное. Что-то вроде глухого нытья. Но появился Георгий, и Макс напрочь забыл о всяких ощущениях.

Они подняли сруб за два выходных. Всё это время неприятности в спине лишь усиливались. Закончилось тем, что в пояснице появилась настоящая боль, похожая на зубную.

С этой болью он пережил осень и зиму. Знакомый тренер принёс пару книжек о том, что за проблемы бывают у человека с межпозвоночными дисками. В этих книжках чёрным по белому говорилось, что самое распространённое – это спинномозговая грыжа. Что лучше всего с ней бороться хирургическими методами. Что методы эти известные. Иногда, правда, бывает так, что больной после операции навсегда остаётся сиамериканским близнецом с инвалидной коляской...

Макс решил бороться за здоровую спину без помощи хирургов. Для начала решил собрать информацию. Оповестил знакомых. Оказалось, что для многих проблемы со спиной – буквально родные. Так что Макса забросали советами и рецептами. Оставалось только перепробовать те, что выглядели приемлемыми. И выбрать те, что действительно помогают.

Помогала гимнастика. Много гимнастики. Через боль. Всегда через боль. Особенно помогало, когда Макс выходил в сад, цеплялся руками за толстую ветку яблони и висел. И заставлял позвоночник, махая ногами, скручиваться. И раскручиваться.

И парная помогала. Хотя боли случались такие, что Макс не мог пройти до общественной поселковой бани (это метров семьсот-восемьсот) без остановок. Боль не давала идти, и каждые метров сто-сто пятьдесят Макс приседал. И так, сидя на корточках, переживал боль.

Зато в парной боль почти исчезала. Макс ходил в баню в такие дни и часы, когда там было поменьше народу. Это позволяло прямо в парной делать самые разные упражнения – присесть, согнуться-разгнуться и прочие.

Еще помогала ходьба. Причём не просто ходьба, а быстрая, похожая на спортивную. Только вихляние бедрами надо утрировать.

Так к весне Макс начал чувствовать, что спина идёт на поправку.

Летом уже вовсю играл в теннис. Даже участвовал в любительском теннисном турнире в парке Победы.

Но всё равно, когда взял билеты до Нью-Йорка, то не мог не думать о том, как удастся высесть в самолётном кресле столько часов.

И тут такое везение...

* * *

Набрали высоту. Принесли ужин. Макс слегка перекусил, но при этом выпил грамм триста виски, неразбавленного. Это немало удивило соседей и чёрную грудастую стюардессу. Сверкая перламутровой улыбкой и на редкость живыми чёрными глазницами, она не удержалась и спросила, разумеется, по-английски, не русский ли он случайно.

– Yes, of course, – с пьяненькой улыбкой ответил Макс. После чего попросил стюардессу принести одеяло.

Макс, на зависть другим пассажирам, откинул у свободного кресла подлокотник и улегся калачиком.

Под одеялом Макс стало так хорошо, что он, сам того не желая, пустил «шептуна» и начал подрёмывать.

Сквозь дрему и мелодичное жужжание моторов лениво перебирал картинки с впечатлениями минувшего дня. Как прилетел в Амстердам. Как добрался до Central Station.

Было пасмурно. Накрапывал редкий дождик. На улице Rokin Small Макс выпил кружку пивка.

Начало темнеть. Макс пошёл по улице Ramrak. В бюро для туристов ему объяснили, что уже поздно и лучше устраиваться на ночлег самостоятельно.

С площади, где высился филиал музея мадам Тюссо, свернул в узкую улочку. Шёл себе, шёл и почувствовал, что далеко может зайти и всё не туда.

Кругом в уличных кафешках сидели типы и типчики с лицами всех рас и национальностей. Иные были явно неопределённого пола и сексуальной ориентации. И почти все в открытую покуривали травку, шумно затягиваясь и передавая «косячок» соседу по столику. Откидывались на спинку кресла, запрокидывали голову и закатывали мутнеющие от блаженства глаза с расширенными зрачками.

Макс развернулся и пошёл обратно. Прошёл метров сто, пока не наткнулся на гостиничку Doria.

Поднялся в ресепшн. Молодая, симпатичная и по-доброму улыбающаяся девушка лет двадцати оглядела Макса профессиональным взглядом и предложила номер за шестьдесят долларов.

– Could you show me? – спросил Макс.

– With pleasure, – ответила дамочка.

Номер оказался камеркой метров в восемь-десять. Но с телефоном, телевизором, душем и клозетом. Чистенько и даже уютно. Макс, не раздумывая, согласился.

В этой камерке в центре Амстердама ему приснился сон. От этого сна Макс не мог отряхнуть всё утро. Будто летели они с Дашей над океаном. И вдруг самолёт начал падать. Они с Дашей в ужасе обнялись, и Макс выдохнул сакраментальную фразу: «Вот, Дашенька, и пиздец нашему счастью!..»

Из дневниковых записей Макса

...Утром позвонил Докучаев. Длинно и сладко расхваливал моё теннисное учебное пособие для начинающих. Удивлялся, как это мне удалось написать то, что не удалось в этом «великом теннисном городе» никому. Было понятно, что говорилось всё это неспроста.

Не ошибся. Докучаев попросил уговорить Важенина, чтобы финалы нашего турнира прошли на кортах его, Докучаева, клуба. Договорились, что я с Важениным появлюсь в клубе ближе к вечеру.

...Сыграли пару. Я с Важениным против Докучаева и Орлова, их старшего тренера. Первый сет был за нами, второй – за ними. Третий сет мы получили в «подарок».

После душа нас ожидал стол, накрытый в клубном ресторанчике.

Выпили коньяку, привезенного Докучаевым из Грузии. Закусили. Прикинули, что к чему. Договорились, как будем делить славу. Ударили по рукам.

За ужином поймал на себе любопытный взгляд молодой особы лет тридцати. Находилась за стойкой бара и курила длинную сигарету. Стройная шатенка с подёрнутыми лёгким недоумением глазами. Производила впечатление женщины, что пребывает в дурном сне и никак не может проснуться.

Подхожу к стойке. Покупаю шоколадку «Тройка». Дарю барменше.

– Спасибо, – смущённо. – Но это не совсем то, что я хотела бы получить от вас в подарок...

– Не понял, – говорю, потому что действительно не понял.

– Подарите «Желанную». Я столько о ней слышала...

Тут несколько удивлённым, похоже, выглядел я.

Сходил за книгой, которая лежала на дне спортивного баула. Достал авторучку, открыл обложку и, вопросительно глядя на молодую особу, приготовился симпровизировать автограф.

– Меня зовут Даша...

Пятница, 27 августа 1999 года. Нью-Йорк

Подлетали к Нью-Йорку. Темнокожая стюардесса помогла Максу заполнить въездную декларацию.

Сели в JFK. Это аэропорт имени Джона Фитцджеральда Кеннеди. Багаж пришлось ждать минут сорок. Чёрный таможенник спросил только одно: как долго Макс собирается быть в Штатах?

– Three weeks, – довольно уверенно.

Таможенник посмотрел Максу в глаза, потом ещё раз – на красную обложку заграничного паспорта с советским ещё гербом, хмыкнул и резким ударом проштамповал визу. Макс же, прежде чем сунуть паспорт в поясную сумку, внимательно рассмотрел визу и с удовлетворением осознал, что на благословенной земле Америки он вполне законно может пребывать шесть месяцев кряду.

Было поздно, что-то около часа, и Макс решил остаться на ночь в порту. Устроился в мягком кресле в окружении таких же, как он, пассажиров. Хотел вздремнуть, но не вышло. Помешал соотечественник. Точнее, бывший соотечественник, а ныне гражданин Украины – небритый дядечка лет сорока с взъерошенными редкими кудрями и взглядом человека, охваченного нешуточной паникой.

Звали его Эдиком. Прилетел из Варшавы, с опозданием на сутки. По-английски – ни слова. Его никто не мог понять, хотя он пытался поставить на уши все справочные службы.

А лететь ему надо было в Детройт. Поскольку Макс скоренько выяснил, что до утра рейсов в Детройт быть не может, он предложил Эдику не дёргаться. Они ушли в бар и коротали ночь с баночным пивом, чипсами и разговорами ни о чём.

Утром Макс помог бывшему соотечественнику разобраться с билетами. Когда у Эдика на руках был билет, Макс ему наказал не отлучаться от стойки регистрации дальше туалета.

Утро над JFK выдалось тёплое и солнечное. В начале девятого Макс отправился на «подземке» до World Trade Center (знаменитые «Близнецы», их не стало одиннадцатого сентября две тысячи первого). Под землёй же пересел на Path-train и направился до Jersey-city.

Наверху довольно легко нашел 65, Tonnele Avenue. Правда, там вместо искомого Mayflower Hotel теперь находился Best inn. Suits. На reception Максу неспешно и толково объяснили, что теперь здесь нет комнат дешевле полутора сотен баксов за ночь.

Максу всё это очень даже не понравилось. Мало того, он был слегка ошарашен, когда прикинул, что двадцать ночевок в Best inn. Suits обойдутся без малого в три тысячи американских долларов. Таких денег на гостиницу у него не было. Тем более что округа выглядела так себе – загород он и есть загород. Далекое не то место, где проживают исключительно вежливые и добропорядочные американские буржуа. Проще сказать, впечатление такое, что по ночам в таком районе лучше не появляться.

Макс пошёл до ближайшего магазина. Купил телефонную карту. На станции Gornal square торговец сувенирами, чёрный и пожилой, минут двадцать помогал Максиму позвонить по купленной карте. И ни фиги. Смахивая со лба капли пота, пожилой афроамериканец сказал, чтобы Макс отправился в магазин и вернул карту.

Хозяин магазина, латинос с ясными карими глазками, пробовал звонить сам, но в итоге сказал, что вероятнее всего Макс даёт неправильные цифры. Ерунда какая-то. Макс даже успел слегка взмокнуть и разволноваться. Попросил у хозяина пепси из холодильника. Сделал несколько жадных глотков и буквально приказал себе: только без паники, дедушка, т-твою мать...

Тут случилось то, что и должно было случиться. Хозяин ещё раз попробовал набрать номер и... получилось. Макс приложил к уху трубку и наконец-то услышал родную речь. Пони-

мая, что он находится в стране, где буквально всё стоит денег, Макс начал скороговоркой объяснять в общем-то незнакомому человеку, что с ним случилось. При этом Макс, разумеется, надеялся на понимание. Хотя...

Пару недель назад Макс уже разговаривал с Игорем Бабичем. Из Питера. Его телефон дала одна хорошая знакомая одного хорошего знакомого. Пару лет назад она останавливалась в Нью-Йорке у Бабичей, и «осталась-таки очень довольна». Тот разговор с Игорем что-то не очень понравился Макс. Особенно когда Игорь предложил встретиться его в JFK и шутливым тоном уточнил, что это обойдётся Макс в «каких-то пятьдесят долларов». На что Макс таким же шутливым тоном ответил, что лично он за пятьдесят долларов в Нью-Йорке до любой точки доползет на животе. Закончился тот разговор тем, что Игорь пожелал Макс в Нью-Йорке всяческих успехов, но при этом вскользь и уже на полном серьёзе рекомендовал никуда и ни на чём не ползать, а действовать исключительно осмотрительно и не прибегать к услугам незнакомых людей.

– Особенно соотечественников? – шутливо уточнил Макс.

В трубке послышались короткие гудки, и Макс тогда так и не понял – это Игорь бросил трубку без ответа или связь внезапно нарушилась.

Теперь Макс было не до шутливого тона. Он объяснял Игорю своё положение так, что со стороны это выглядело, будто он только что провалился в яму с дерьмом и не знает, как из неё выкарабкаться.

Игорь выслушал Макса. Ни разу не перебил. Но при этом Макс казалось, что на другом конце трубки нет-нет да и раздаётся что-то вроде хихиканья. Когда Макс закончил, возникла пауза. Тут у Макса со лба сорвалась большая капля пота и звучно упала на зеркальный прилавок.

– Смею заверить, – наконец раздался уверенный голос Бабича, – что в любом случае вы не останетесь в Нью-Йорке один на один с вашими проблемами.

После чего Игорь предложил Макс подъехать к нему в офис. Это в Бруклине, на 18-й Avenue.

На дорогу у Макса ушло часа полтора. Офис находился от станции подземки в двух сотнях метров. Вокруг – двух-трёхэтажные дома, завешанные цветастыми вывесками – вперемешку на английском и русском языках. Макс читал вывески, точно первоклассник букварь – медленно и с чувством понятной радости, и за себя тоже.

В офисе Игоря не оказалось. В соседней комнате говорили по-русски. Макс вежливо постучал. Круглолицая брюнетка с весёлыми глазами сказала, что Игорь оставил для Макса свежую русскую газету со словами, что скоро и сам появится.

Макс устроился в коридоре на продавленном кожаном диванчике и развернул незнакомый для себя еженедельник «В Новом Свете». Его внимание почему-то привлекла страничка с брачными объявлениями типа «Симпатичная тридцатилетняя еврейка познакомится с чистоплотным евреем не старше сорока для самых серьёзных отношений».

Минут через двадцать появился Игорь. Это был среднего роста крепыш лет пятидесяти с короткими густыми волосами. На ухоженном, чуть полноватом лице посверкивали небольшие смешливые глаза. Над пухлой верхней губой – щёточка жёстких рыжеватых усов. Рядом стояла молодая женщина с неброской внешностью, но очень толковыми и выразительными глазами. «Инна... Моя правая рука», – представил Игорь уже в офисе.

– Так вот вы какой... – произнес Игорь, не уточняя, впрочем, какой. Затем протянул правую руку для пожатия, а левой рукой похлопал Макса по плечу. – Милости просим, господин писатель... – всё шутливо, кивая в сторону дверей офиса.

Внутри небольшой, но достаточно просторной комнаты Игорь усадил гостя в кресло, предложил минеральной воды из холодильника. После чего попросил Макса ещё раз пересказать историю его приключений в Нью-Йорке.

Теперь Макс начал издали. Сказал, что в Питере он живёт за городом. Что он в общем-то неплохой и достаточно известный журналист. Автор нескольких популярных книжек. Что нынешней весной у него вышел том избранной прозы под общим названием «Страсть». Это два «романчика» (именно так Макс называл свою крупноформатную прозу), повесть и с десяток рассказов.

– Эта книга у вас с собой? – спросил Игорь, закуривая и продолжая внимательно разглядывать Макса.

– Да, конечно, – ответил Макс и достал из дорожной сумки пухлый том в твёрдой обложке.

Игорь взял книгу крепкими пальцами. Попробовал на вес. И, глядя на дорожную матовую обложку, украшенную живописным изображением шута, закивал:

– Солидно.

После чего отдал книгу Инне. Та сидела за рабочим столом, закинув ногу на ногу. Стройные ноги были оголены до розовых трусиков. Инна начала листать книгу, одновременно при этом курила и прихлёбывала из белой кружки дымящийся кофе.

Макс продолжал рассказывать, как один знакомый журналист из Львова заверил его, что лучше, чем в Mayflower Hotel, ему в Нью-Йорке не будет. Что он снимет двухместный номер, договорится об оплате за одного, а через недельку знакомый журналист тоже прилетит, и они заживут весело, беззаботно и недорого.

– Недорого – это сколько? – уточнил Игорь.

– Сто пятьдесят долларов за ночь.

Возникшую паузу заполнила Инна. Всё это время она продолжала листать подаренную книгу.

– Можно я вслух? – спросила, не отрывая глаз от страницы. Не дожидаясь непонятно чьего разрешения, начала читать с выражением:

– «Все утро пытался ответить на вопрос, чем отличается умная женщина от глупой?» – «И как, ответил?» – «Пожалуй». – «Это любопытно». – Я молчу. – «Не хочешь говорить?» – «Умная женщина сосредоточивает внимание на достоинствах мужчины, а глупая – на недостатках».

– Неплохо, – отреагировал Игорь, выпуская дым из губ, сложенных трубочкой.

– А вот ещё, – не унималась Инна. – «Ночью мне снится сон: ты целуешь меня в анус, сплёвываешь и говоришь: „Господи, какая мерзость!..“».

– Куда-куда целуешь? – переспросил Игорь, точно плохо расслышал. Хотя переспросил, едва сдерживая смех.

– В анус!.. – Инна не произнесла, а воскликнула, захлопав в ладоши.

Макс старался не выражать эмоций. Ему почему-то стало так стыдно за себя, точнее, за телефонный разговор с Игорем из Питера. И так захотелось, чтобы он действительно не оставил его в Нью-Йорке один на один ни с чем и ни с кем.

Инна закрыла книгу и хотела положить её в бежевую дамскую сумочку, такую, что носят через плечо.

– Нет уж, сначала мы с Натальей почитаем, – остановил её Игорь. И шутливо прибавил: – Ты ещё маленькая читать такие серьёзные книги. – И, обращаясь к Максиму: – Да вы у нас, похоже, не только талантливый, но и смелый писатель, – с неприкрытой иронией.

Макс откинулся на спинку кресла и негромко парировал:

– Писатели – это Чехов, Бунин. Я же делаю тексты. Их можно читать. А можно и не читать. Всё равно ничего не изменится.

– Вот так, Инночка, – сказал Игорь, гася сигарету.

После чего взял в руки белую телефонную трубку, нажал кнопку с автонабором и начал разговаривать, как стало понятно, с женой Натальей. Сказал, что вот и «писатель» объявился.

Что выглядит он очень даже симпатично. Что уже подарил том своей «избранной» прозы. Что в Нью-Йорке у него возникли проблемы с гостиницей и он очень рассчитывает на их с Наташей гостеприимство.

Макс не слышал и не мог слышать, что отвечала жена Игоря, но можно было догадаться, что она от такой информации не в восторге. Что Макс, конечно же, большой засранец. Была же у него возможность сделать всё по-людски, а не сваливаться на голову, точно дерьмо от пролетевшей птицы. Возможно, она напомнила Игорю, что у них всё занято, и не пристроить ли писателя где-нибудь на Briton Beach?

На что Игорь ответил:

– Наташа, это всегда успеется... – и прибавил: – Да, конечно. А там посмотрим...

Макс понял, что Игорь с женой примут его у себя, отчего у него еле слышно вырвалась:

– Вы никогда об этом не пожалеете...

Игорь не ответил, лишь хмыкнул в усы. После чего предложил Максиму оставить в офисе дорожную сумку и прогуляться до ближайшего китайского ресторанчика. И перекусить. А когда вернётся, Игорь отвезёт его на Staten Island.

**Суббота, 2 апреля 2011 года. Лахта.
Церковь Св. Апостола Петра**

Макс вместе с Дашей простояли всю службу, опустив глаза.

Вспоминали старшего брата Макса – умер девять дней назад.

Батюшка закончил службу короткой проповедью. Из сказанного Макс запомнил одну только фразу: «Любовь без терпения – это эгоизм».

Пятница, 27 августа 1999 года. Нью-Йорк (продолжение)

...Они катили по залитым солнцем улочкам Brooklyn на новеньком чёрном Pontiac Grand AM SE. То и дело притормаживали на перекрёстках и вежливо пропускали пешеходов. Мимо плыли двух-трехэтажные особнячки и особняки – будто нарисованные умелой и талантливой рукой.

Макс невольно «фотографировал» всё, что возникало перед глазами.

...Вот их обгоняет потрёпанный кабриолет Ford с открытым верхом. За рулём моложавый афроамериканец с белой головой. Из рта торчит горящая сигара, напоминающая бикфордов шнур...

...Вот куда-то спешит молодой ортодоксальный еврей с пейсами, одетый – в такую-то жару! – во всё чёрное. Рядышком, с двух сторон, семят два одинаковых рыжеволосых мальчика. Еврей держит их за руки. Мальчики едва за ним поспевают. Оба – копии большого еврея. И оба тоже с пейсами и во всём чёрном...

...Вот стоит перед «зеброй» темнокожая красавица в голубеньком коротком платье, с выпирающими к носу грудями и фигуркой балерины...

За спиной красавицы дом с круглыми белыми колоннами, увитыми диким виноградом, и с цветником – высокие раскидистые кусты алых и жёлтых роз. Из открытого настежь окна над дубовыми парадными дверями, украшенными витражом, выглядывает морщинистое лицо древней старухи. Она машет кому-то рукой, улыбаясь и сверкая живыми и озорными глазками.

Внезапно для Макса все небольшие картинки разом куда-то пропали. Перед любопытным взором возникло одно огромное полотно. Точнее, панорама. Впечатление такое, что их новенькая чёрная машина не катила по асфальту пролёта моста, а буквально парила. Далеко справа были чётко, словно в фокусе, видны небоскрёбы Manhattan. Впереди – надвигающийся холмистый остров, облепленный домами и виллами, похожими на огромные тропические цветы. А слева – гладь сине-зелёной океанской воды. До самого горизонта.

– Впечатляет? – спросил Игорь.

– Не то слово, – ответил Макс.

– Мне тоже нравится.

– Таких красивых мостов мне не попадалось в Европе...

– Verrazano и здесь считают не мостом, а произведением искусства...

Чувствовалось, что Игорю приятно, что увиденное производит на гостя сильное и нескрываемое впечатление. Через три недели Макс обо всём этом будет лишь вспоминать, а он, Игорь Бабич, его супруга Наталья и младший сын живут здесь уже одиннадцать лет. И эта красота принадлежит им на тех же правах, что и нескольким миллионам коренных нью-йоркцев. Мало того, он и его семья – часть этой красоты. Ведь они вкраплены в эту красоту и вписываются вполне органично, хотя появились здесь с карманами, полными не долларов, а надежд. А теперь вот раскатывают по Великому городу на вполне приличных авто, живут не где-нибудь, а на Staten Island. И в supermarket расплачиваются кредитными карточками не самых последних банков.

Макс уже сообразил, что у Игоря должны быть неплохие жилищные условия. Но только когда подъехали к невысокому, плетённому из крашеных реек забору и остановились напротив роскошного каменного особняка с высоким крыльцом, Макс осознал, как ему повезло. Сразу врубился, что тут он не пропадёт и не заскучает. Вспомнив то, что с ним происходило утром на 65, Tonnele Avenue, он не удержался и произнёс:

– Вот уж действительно, Нью-Йорк – город контрастов...

Осень 1993-го. Санкт-Петербург

С Маринкой вышло так. Банкет устроили в шведском ресторане на Старо-Невском проспекте. Повод – успешное окончание Всероссийского журналистского теннисного турнира. Началось всё, как водится, мило, строго и торжественно. Короткие умные речи господ-организаторов и спонсоров. Награды победителям. Ответные слова благодарности участников.

А закончилось, тоже как водится, банальной пьянкой. С явным перебором крепких напитков. Шумными застольными разговорами на привычные национальные темы «Кто виноват?» и «Что делать?». Блужданиями между столами безликих мужчин и женщин, имеющих обыкновение проявлять слабость – приближаться на ватных ногах и бесцеремонно признаваться в любви почти незнакомым людям. При этом «безликие» пытаются грубо душить объятиями и печатать слюнявыми поцелуями. Были, впрочем, и те, у кого явно свербело желание плеснуть в какую-нибудь не понравившуюся физиономию шампанским. После чего могла бы завязаться милая сердцу потасовка. С расквашенными носами. Визгом женщин. Звуками разбитой посуды и поломанной мебели.

Не плескали. Видимо, несмотря на алкоголь, помнили, что внизу, в холле, их встречали рослые парни с коротко стриженными головами, квадратными плечами и взглядами, как у быков перед схваткой с тореро. Теперь эти парни сидели за столиками, явно рассаженные чьей-то опытной рукой. Точно шахматные фигуры. И наверняка были готовы во всякую минуту вежливо уgomонить любого, кто осмелится выломиться из рамок более или менее пристойного поведения.

В подобных мероприятиях Макс человек искушенный. Доводилось тусоваться, начиная от копеечных фуршетов по случаю открытия-закрытия первенств на призы «Пупкин лимитед» и кончая роскошными банкетами в Кремле. Не говоря уж о приемах в Wimbledon или Roland Garros.

Поэтому он посиживал себе скромненько под слегка запылёнными листьями искусственной пальмы. И глотал ледяную водочку из хрустальной рюмочки. И неспешно закусывал водочку разными вкусностями. И наблюдал, как Маринка, явно обалдевшая от всего разом (для неё это был первый выход в теннисный «свет»), весь вечер не покидала танцевальный подиум. И весь вечер около неё крутился теннисист-журналист из Львова Олег Медынцеv. С этим высоким, стройным атлетом с толковыми глазами, носом с горбинкой и тонкими капризными губами Макса связывали давние приятельские отношения.

...Они познакомились в Алма-Ате, где в 90-м играли неофициальный чемпионат СССР среди журналистов. Макс тогда проиграл Олегу в финале, проиграл в первую очередь потому, что слишком поздно сообразил, что имеет дело с подготовленным, хитрым, коварным и беспощадным соперником. Главная ошибка была в том, что Макс, готовясь к финалу, чрезмерно сосредоточился на слабых местах в игре соперника – бросались в глаза. А почему было не подумать о достоинствах, в частности, умении играть по счёту?.. Иными словами, на корте Медынцеv выглядел особенно хорошо, когда разыгрывались «важные», ключевые очки.

Хотя какой шанс был у Макса в третьем сете, когда при счёте геймов 4:4 он мог одним точным ударом взять чужую подачу. Не повезло. Мяч, посланный вдоль боковой линии, мимо провожающих глаз соперника, приземлился чуть-чуть в ауте...

Именно этот финал их и сблизил. Причина, казалось, вполне объяснимая: одному было приятно выиграть, другому – не стыдно покинуть корт с головой, втянутой в плечи.

Летом 92-го Макс пригласил Олега Медынцева в Питер. Тогда ещё проводилось ветеранское теннисное побоище на кортах «Буревестника». Медынцеv это приглашение принял, а когда заявился в Питер, то как-то естественно воспользовался гостеприимством Макса.

По утрам они отправлялись на корты, играли турнир, а к вечеру возвращались в Лахту. Покупали в «сельпо» упаковку баночного немецкого пива. Распивали в саду. Болтали на разные житейские и профессиональные темы.

В один из таких вечеров гость, в неожиданном для Макса порыве, разоткровенничался. Поделится тем, чем обычно не делятся абы с кем. Это была история личной драмы. Когда Он, что называется, любил Её всеми фибрами души. А Она в итоге разочаровала так, как может разочаровать только женщина, и, конечно же, любимая именно «всеми фибрами».

Был вечер. На дорожке к дому появилась странная парочка. Вызывающей красоты особа «далековато за тридцать», а рядом с ней – верзила под два метра и с торсом древнегреческого атлета. И совсем юным лицом. И с широкой крепкозубой улыбкой. Особа была явно незнакомая, а в верзиле Макс, хотя и с трудом, признал сына лучшего институтского друга.

– Дядя Максим! – радостно воскликнул верзила.

– Да это никак сын Жоры Числова! – в свою очередь воскликнул Макс.

И они крепко обнялись, как могут обняться только искренне обрадованные встрече старые знакомцы.

Лола, так звали особу, владела на Центральном рынке Екатеринбурга сетью ларьков. Прикатила в Питер «слегка развезься». И заодно прикупить «кой-каких модных шмоток», которые здесь «подешевше». При этом спутнику отводилось несколько важных ролей – охранника, носильщика и самца, что всегда под рукой.

Гости с Урала пробыли в Лахте пару ночей, и обе ночи Лола провела в постели львовского теннисиста-журналиста. Макс, правду сказать, не очень-то задумывался над этим неоспоримым фактом. Хотя для него было несколько странноватым, что в доме появились мужчина и женщина, практикующие случайные интимные отношения так же легко и просто, как они принимают душ или чистят зубы...

* * *

...Из шведского ресторана возвращались под землей. На «Гостинке» перешли на другую линию. Медынцеву надо было выходить на «Горьковской». В вагоне он обнял их, как родных, и сказал:

– Ощущение такое, что наша песенка обрывается, а самое задушевное так и не спето. Или я не прав, Мариночка?..

У Мариночки блестели глаза, как у молодой кошки, что оказалась на воле и только что не визжала от предчувствия чего-то нового и необычного. Макс же, наоборот, предчувствовал, что ничем хорошим это не кончится, но предпочел довериться случаю. В конце концов, сказал он себе, ты же достаточно мужественный человек и не должен отворачиваться от сюрпризов, что приготовляет судьба.

Маринка выразительно глянула в пьяненькие глаза Макса, чмокнула в щёку и заметила:

– Давай пригласим Олега в Лахту? Бутылочка есть, колбаска-огурчики – тоже.

– Не-ет, лучше ко мне, – подхватил Олег. – А в ларьках у метро купим все, что потребно. «Ко мне» – это в гостиницу «Спортивная», что на Крестовском острове.

Макс глянул на Маринку, затем на Олега и утвердился, что будет выглядеть в их глазах занудой и трусом, если откажется. Нет уж, извините, кем угодно – только не занудой и трусом.

Они поднялись наверх, зашли в круглосуточный супермаркет, после чего с двумя плаستيковыми пакетами вышли на проезжую часть. Спустя пару минут тормознули улыбчивого дядечку в подержанном Opel, и ещё через десять минут были на Крестовском.

В номере Маринка развернула пакеты.

– Нож есть? – спросила она хозяина номера, улыбаясь и болтая в руках палкой финского сервелата, словно мужским членом.

– Не-а... – ответил тот, глядя на колбасу и улыбаясь.

Макс достал из внутреннего кармана клубного пиджака складной финский нож и протянул Медынцеву, чтобы тот передал дальше. Медынцев покрутил в руках нож, раскрыл с приличным усилием и заметил:

– Хороша игрушка, – продолжая улыбаться. – Можно и человека грохнуть.

– Запросто... – сказал Макс и тоже улыбнулся.

Маринка глянула на мужчин, взяла нож и острым сверкающим лезвием начала резво пилить колбасу на тонкие кусочки.

Макс сидел за столом, освещённым настольной лампой. Бурчал себе под нос что-то невнятное да мелкими порциями опрокидывал прохладную водочку. Да закусывал бутербродами с колбасой, обильно намазанной хренком.

Тем временем Маринка и Олег, точно на волнах, покачивались в танце. В тёмном углу просторного люкса. И под звуки танго, несущегося из плёночного журналистского диктофона.

Возможно, Макс должен был выпить свою водочку, зажевать её бутербродом, подняться из мягкого и уютного кресла, где он так удобно полулежал, и как-нибудь очень тихо и незаметно удалиться. Это чтобы не мешать Олегу и Маринке более полно ощутить все прелести чувства, так внезапно их охватившего. То, что чувство их охватило нешуточное, мог не увидеть и не услышать только слепоглухонемой.

А Макс не был слепоглухонемым. И изрядное количество выпитой водочки не в учёт. Он и не столько мог загрузить в себя алкоголя и всё равно не утрачивал главной способности – быть настороже. И наблюдать. И делать вполне даже логичные и разумные обобщения.

Похоже, Макс ошибался, когда убеждал себя, что Маринка не из тех молодых женщин, чья главная особенность – удивлять, причём в самый неподходящий момент. Точнее, после Маринки он думает так: не всякая женщина может преподнести мужчине сюрприз, но от всякой женщины должно этот сюрприз ожидать.

И ещё Максу казалось, что он очень даже неплохо знает и понимает Медынцева. Увы, как выяснилось чуть позже, это только казалось.

* * *

...Максу уже доводилось переживать удивительные минуты, когда он внезапно просыпался. Точнее, выныривать из глубин некоей густой теплой жижи.

Одна из его причуд – просыпаться незаметно для окружающих. Жизнь научила. Много лет тому Макс уже «проспал» одну смазливую девочку. Это случилось в общежитии Красноярского мединститута весной шестьдесят седьмого. От девочки Макс был без ума, а та уверяла семнадцатилетнего Макса, что он – первый и последний в её жизни мужчина. Оказалось, что будет и второй. Его однокурсник и сосед по комнате Миша Логадзе. По прозвищу «Князь». И это прозвище подходило красавцу-грузину, как никому другому.

И звали ту девочку Вика. И ушла эта Вика из жизни по собственной воле. И написала в предсмертной записке, что по-настоящему любила только Макса. И лежит на городском красноярском кладбище без малого тридцать лет. И все эти годы смотрит на окружающий мир широко распахнутыми глазами. С эмалевой фотографии. И точно спрашивает: Макс, я ошиблась, да?..

Да, Вика, да. Это тебе говорит человек с прожитой жизнью за спиной.

Это скажут тебе все мужчины из тех, кто могли бы тебя любить и быть рядом с тобой счастливы. И ты могла любить их и тоже быть счастлива.

Это могут сказать близкие тебе люди – мама, отчим, младшая сестрёнка, друзья и подруги, не забывающие крутую тропу, что ведёт на погосте к твоей могиле.

Это могли бы сказать дети, так и не рождённые тобой. А ведь они в свою очередь могли одарить жизнью других детей...

Были уроки чуткого сна и после. Когда Макс служил в славных рядах СА. В учебке подрался с пьяным старшиной. Командир роты капитан Амельченко, чтобы не сеять в умах рядовых курсантов зёрна сомнений, решил раз и навсегда избавиться от «слишком грамотного» салаги. В течение двадцати четырех часов Макс был откомандирован из показательного учебного полка под Свердловском аж на Дальний Восток. Аж под город Свободный.

Батальон стоял между голыми сопками. Снег, колючий, точно битое стекло. Ветер, сбивающий с ног. Солдатская столовая с заколоченными окнами, земляным полом и тёплой перловой кашей с тошнотворным запахом свиного жира.

Штаб батальона, а там – крепыш-подполковник с умными, но не очень добрыми глазами и двусмысленной шуткой, мол, теперь в батальоне с высшим образованием будет два человека – он и Макс.

И казарма. Чудо военной архитектурной мысли. Приземистый металлический ангар с рядами двухъярусных коек и тусклыми лампочками под арочным потолком. И постоянное ощущение, что никак не можешь согреться. И только ночью, когда свернёшься калачиком под двумя одеялами и шинелью поверх, возникала иллюзия, что тебе наконец-то тепло.

И можно расслабиться...

Как расслаблялись другие солдатики на соседних койках. Снимая энергичной рукой напряжение тяжкой повседневной службы. И оторванности от всего привычного – друзей, близких, родного дома и города, наконец. И конечно же, той жуткой тоски по тёплой, влажной, с чудным запахом свежеподмытой женской прелести, что буквально сводит с ума всякого молодого самца в условиях казармы.

И забыться.

И провалиться в глубокий сон.

Очень скоро Макс выяснил, что спать в казарме лучше всего с открытыми глазами. Иногда, по ночам, у «дедов» и их шестёрок было развлечение: выбирали спящую жертву, уводили в умывальник и там «учили жизни» так, что обратно жертва добиралась ползком. Макс догадывался, что салаг в умывальнике не только били. И всё же салаги крепко держали язык за зубами.

Как-то Макс разговорился с одним из «дедов», и очень аккуратно заметил, что спит с остро заточенной отвёрткой под подушкой. Если что, будет «мочить» не раздумывая.

Вот такие уроки...

* * *

...Макс открыл глаза и увидел то, что увидел.

И услышал то, что услышал.

И осознал то, что осознал.

Ведь ему «повезло» стать невольным свидетелем любовных упражнений львовского журналиста и его Маринки.

Заметим, что с некоторых пор профессиональное любопытство для Макса очень часто становилось куда важнее, нежели естественная реакция. Как ни странно, но и в этот раз он не смог отказать себе в удовольствии это профессиональное любопытство потешить. Так что он отнюдь не сразу обнаружил, что бодрствует.

...Маринка лежала на спине. Её согнутые ноги были подняты и широко разведены в стороны. Причём удерживать ноги в таком положении она помогала собственными руками, обхватив бедра под коленками.

Тем временем Олег, в понимании Макса, занимался «прелюдией». При свете полной луны, бившей сквозь тюлевые шторы, это выглядело даже забавно. Похоже, сказывался выпитый алкоголь. Львовский журналист клевал обнажённое женское тело, точно дятел и точно в замедленном кино.

При этом Маринка сдержанно постанывала, то и дело скашивая глаза в сторону Макса. Макс у было неведомо, какую роль во всём этом играет его присутствие.

Максу стало интересно, – он мешает этой парочке заниматься любовью? Или, наоборот, усиливает остроту ощущений?

А может, то и другое вместе?

Почему нет?..

Наконец Олег вошёл своим членом в Маринку, как вор входит в чужую квартиру. И начал двигать ягодицами, точно соседский кобель, который вскочил на суку по недосмотру хозяина. И этот кобель вот-вот дрыном схлопочет. Вдоль хребта.

Маринка, в свою очередь, старалась подстроиться под ритм движений неожиданного любовника. Из этого стало понятно, что Макс всё же мешает. Потому что она не может расслабиться и получать удовольствие так, как привыкла. И теперь для неё важно, чтобы удовольствие получил хотя бы Олег.

А что было важно для Макса? Ведь он наблюдал не какие-то абстрактные занятия любовью.

Ведь любовью на его глазах занималась молодая привлекательная женщина, и они с этой молодой женщиной душа в душу прожили три последних года. При этом она столько раз говорила, что никого и никогда так не любила. Точнее, за три года она говорила, что любит его, столько раз, сколько не говорила его первая жена за пятнадцать лет. Ещё точнее – он не помнит дня, чтобы Маринка этого не говорила.

Несмотря на разницу в возрасте, Макс всерьёз подумывал о законных отношениях. О семье. О возможном ребенке. Потому что был уверен – Маринка не лжёт. Потому что нужды, казалось, не было никакой.

Макс продолжал наблюдать за половым актом с азартом человека, играющего на беговых скачках.

И только тут его поразила мысль, что любовники должны быть наказаны. Справедливо наказаны. Не откладывая на потом. Сию минуту. Но как?.. Макс скосил глаза в сторону журнального столика. На краю лежал его финский нож с лезвием, матово поблескивающим от колбасного жирка.

Макс прикинул, что может легко и незаметно дотянуться до ножа правой рукой.

Дотянулся...

Он даже не увидел, а скорее понял, что ещё пара мгновений, и Олег успешно финиширует.

– Нет, дорогие мои, это уже слишком!.. – рявкнул Макс.

И поднялся из кресла.

И расхохотался. И звуки вырывались, точно из желудка. И точно блевота.

Он вышел из номера, хлопнув дверью так, что та едва не слетела с петель...

Суббота, 28 августа 1999 года. Нью-Йорк

Комната, в которой Макса поселили хозяева виллы на Staten Island, смотрелась как номер в приличном отеле. Располагалась на третьем уровне. Два больших окна с видом на просторы нью-йоркского залива. Вдали, словно мираж, – очертания Manhattan и Brooklyn. Справа, над бирюзовой водой, – мост Verrazano, точно сотканный из серебристой паутины.

Комната была просторная, светлая. Кожаный мягкий диван с цветастыми подушками. Удобная кровать из тёмного дерева. Плоский телевизор в углу. И неожиданно – письменный стол с рабочим креслом. На столе – включённый компьютер.

Макс полулежал на диване, когда в комнату заглянул Игорь и сказал, что они с Наташей едут купаться. Если у Макса есть желание впервые в жизни окунуться в волны Атлантического океана, то на сборы есть не больше пяти минут.

Ровно через пять минут Макс сидел на заднем сиденье Pontiak, а ещё через пятнадцать они были на Beach с примыкающим прибрежным районом, утыканным богатыми и очень богатыми особняками и виллами.

Американское солнце огромной круглой тарелкой висело над океанской водой и продолжало палить, хотя и не так жарко, как днём. Крупный серовато-жёлтый песок, нагретый за день, щедро расточал приятное тепло.

Купальщиков на пляже было немного – три-четыре десятка. Но удивило Макса не это. Удивило то, что все эти люди говорили по-русски.

– Не надо удивляться, – заметил Игорь. И объяснил, что для американцев вода уже слишком прохладная, а для «наших» – именно та, что надо.

Макс с Наташей зашли и окунулись в небольшие прозрачные волны, а Игорь остался на берегу – присматривать за вещичками, как сообразил Макс. Да и трудно было не сообразить, если Игорь напутствовал их фразой: «No comments», сказанной с ехидцей и с киванием в сторону резвящихся соотечественников.

Поздний вечер в тот день они коротали в огромной гостиной перед телевизором с метровым экраном. Попивали из высоких стаканов пиво, закусывая чипсами.

Игорь неожиданно расправил крылья и точно полетел. Фразы слетали с губ, будто песня. Он постоянно шутил, но при этом явно избегал ухода разговора во что-нибудь серьёзное.

О новостях из отечества говорили мало, поскольку здесь, в Нью-Йорке, этими новостями интересуются едва ли не больше, чем дома. Почти у всех «наших» показывает свои передачи НТВ, да и в русских газетах бесконечно жуются подробности житей-бытия в отечестве. И имена журналистов как на подбор. Макс уже успел прочитать в «Новом Свете» очень даже любопытную статью Мэлора Стуруа о наших последних реформаторах. По его мнению, эти ребята весьма грамотно, ловко и последовательно грабили матушку-родину в недавнем прошлом, грабят ныне и, похоже, не собираются останавливаться.

Около полуночи позвонил Кирюша. Это самый младший Бабич. Из разговоров Макс понял, что Кирюше ещё только будет шестнадцать. Что у него есть американская подружка Лайза и после школы они были вместе. У неё дома. Теперь это, с ухмылкой заметил Бабич-старший, называется «позаниматься математикой».

С Кирюшей разговаривала мама, а Игорь в это время прихлёбывал из стакана остатки пива и чему-то улыбался. Когда Наташа положила трубку на диван, Игорь произнёс:

– Дети «математикой» занимались... – язвительно. Пауза. – А у мамы весь вечер точно иголка в заднице. И сейчас мама поедет хрен знает куда, чтобы мальчик вернулся домой без приключений.

На что Наташа ответила с лёгкой дрожью в голосе:

– Да, Игорь, ты прав. Как всегда. Но я всё равно поеду. И ты знаешь почему...

Уже перед сном, в постели, Макс, вспоминая разговор в гостиной, попытался отбросить словесную «лирику». Вышло, что хозяин дома хотя бы чуточку, но приоткрыл раковину. В советском прошлом Игорь был директором профтехучилища и, разумеется, членом КПСС. Был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Потом работал в Африке. В перестроечные годы организовал частный лицей в Купчине. Возникли какие-то серьёзные проблемы, и в начале девяностых с семьёй перебрался за океан.

В ту ночь Макс не уснул, а буквально провалился, как проваливаются в глубокую яму. И никаких сновидений. Но проснулся, как всегда, рано. Ещё пяти не было. Включил настольную лампу – стояла на прикроватной тумбочке. Поднял с пола «В Новом Свете» и начал читать всё подряд, отмечая про себя, что в газете есть немало занятного.

Без четверти шесть надел тренировочный костюм. Спустился к входной двери. Минут пять с любопытством ребёнка разглядывал сложный дверной замок из жёлтого сверкающего металла. И тут с удивлением обнаружил, что дверь на ночь была не заперта.

«Ни фиги себе, – подумал он, качая головой. – И это в городе, который из России видится населённым одними гангстерами да маньяками».

Утро выдалось тёплое, солнечное. Хотя надо сразу отметить, что все три недели, что Макс прожил на Staten Island, утра были тёплыми и солнечными. И всё же Макс каждый раз радовался этому, точно подарку. Вот что значит долгие годы прожить в Питере, где есть, кажется, всё, но всегда так не хватает тёплых и солнечных дней.

Макс вышел за калитку. По крутой узкой тропе, огибавшей садик, неспешно спустился к берегу залива. Стоя на песке, широко распахнул объятия, словно намеревался прижать открывающуюся перед взором картину. Manhattan, напоминающий огромного доисторического ящера, что, лёжа на берегу нью-йоркского залива, греется в лучах утреннего солнца. И мост Verrazano, будто распластанная над водой гигантская чайка. И дома по левому берегу Staten Island, точно гнёзда ласточек. И гладь зелёной воды, сверкающая, как россыпи изумрудов. И воздух – словно из кислородной подушки, переполняющий лёгкие и слегка кружащий голову.

Завтракали в кухне. Макс у окна. Рядом Кирюша, оказавшийся симпатичным широкоплечим акселератом под сто девяносто. Напротив – Игорь, уже готовый прямо из-за стола отправиться в офис.

Наташа подала яичницу с беконом и тосты. И сладкие пирожки, разогретые в микроволновой печи. И чашечки с дымящимся чёрным кофе.

– Вот, Кирюша, Максима Сергеича к нам занесло, – сказал Игорь. – Он известный спортивный журналист и писатель. При этом даёт уроки тенниса. У тебя как, нет желания помахать ракеткой?

Кирюша слегка кивнул, глянул на гостя равнодушными глазами и отмолчался.

– Сынок, неудобно как-то: я спрашиваю, а ты...

Кирюша неспешно дожевал кусок сладкого пирога и заметил спокойным голосом уверенного в своей правоте молодого человека:

– Папа, я уже не маленький. Сам выбираю, чем мне махать.

Папа и сын отправились вместе. Школа находится неподалеку, хотя и не по пути. Но Игорь сам предложил. Сказал, что спешит, но не настолько.

Макс остался в доме на пару с хозяйкой. Он хотел подняться из-за стола, поблагодарить за завтрак, но его остановил вопрос:

– Ещё кофе?..

– С удовольствием, – ответил он с удовольствием. И прибавил: – А вы?..

– И я с удовольствием...

За кофе выяснилось, что Наташа почти не спала эту ночь. Она вообще плохо спит. А тут привезла Кирюшу около двух. Легла в кровать. И никак не могла уснуть. Вспомнила, что у них

гостит писатель. Встала, сходила за книгой в гостиную. Вернулась в постель и начала читать отдельными кусками. Увлелась. И так почти до рассвета. Потом всё же удалось вздремнуть часик-другой.

Пока Наташа рассказывала своим приятным, слегка вибрирующим от волнения голосом, Макс попытался внимательно разглядеть хозяйку. Для сорокалетней женщины та выглядела вполне завидно. Типичный образ бывшей солистки какого-нибудь популярного ансамбля русской песни и пляски. Округлое скуластое лицо с большими серыми глазами. Густые, выющиеся крупными кольцами, золотистые волосы, спадающие на плечи. Фигура с девичьими бёдрами, выраженной талией и аккуратным небольшим животиком. И груди – крупные, налитые, с морщинистой и желтоватой кожицей. Как у печёного яблока. И выпирающие из прорези лёгкой трикотажной кофточки.

– Это Игорь непонятно откуда, – неожиданно резко и, казалось, невпопад, с иронией заметила Наташа. – А я родилась и выросла в Ленинграде, – подливая гостю из прозрачной колбы очередную порцию кофе.

Затем последовал монолог. В голосе Наташи не было уверенности, что надо рассказывать Максиму то, что она начала рассказывать. Поэтому, наверное, с трудом подбирала слова. И получалось так, будто думала вслух.

Из монолога выяснилось, что большую часть жизни Наташа проработала в Питере. Была директором Дома культуры большого завода. Окружение составляли, за редким исключением, образованные, воспитанные, культурные люди, и большинство из них – коренные ленинградцы. Это здесь её окружают «наши», бывшие некогда «скобарями», а вот нынче они же – преуспевающие американцы. Хотя не все, конечно, «скобари». И не все – преуспевающие. Есть даже вполне приличные люди. Но их так мало, так мало...

Потом Наташа замолчала, глядя Максиму прямо в глаза.

И Макс смотрел тоже прямо в глаза. При этом ему показалось довольно странным, что уже больше суток находится по другую сторону океана, а ощущение такое, что никуда из Питера не улетал. Что сидит перед ним довольно обыкновенная русская женщина. Что наверняка она обременена не только повседневными житейскими заботами, но и целым ворохом чисто национальных комплексов и недостатков. Что наверняка предстоит отсмотреть фильм из бесконечного сериала под общим названием «Это мы – русские люди». Только действие происходит не на просторах отечества, а на Staten Island. И не в коммуналке на Лиговке или Большой Пушкарской, а на роскошной белокаменной вилле. И герои не торгуют просроченной колбасой на Сенной площади. И не просиживают штаны и юбки в хиреющих КБ, получая за «адский» труд сущие гроши. И этих грошей мужьям едва хватает на дешёвый армянский «коньяк», разлитый в подворотнях, окружающих ту же Сенную площадь. А жёнам едва хватает на «фирменные» колготки, изготовленные предприимчивыми турками или китайцами.

Незаметно солнце показалось над крышами соседних особняков, продолжая уверенно карабкаться к зениту.

– Извините, конечно, но я так ничего толком из вашего романа не поняла, – неожиданно заявила хозяйка. Теперь она стояла у плиты и курила, пуская дым в вытяжку. – Ерунда какая-то. Хотя написано, соглашусь, бойко. Есть отдельные фразы... даже мысли...

После чего Наташа заметила, что, возможно, её мнение о творчестве собеседника, а тем более гостя, звучит бестактно. Возможно, надо говорить как-то по-другому. Возможно, он, Макс, не привык к открытой критике. Возможно даже, она ошибается, потому что ничего, кроме обыкновенного читателя, собой не представляет. И всё равно любопытно, что это за творческие замыслы подвигли автора на создание романа с таким названием, как «Желанная». Вот раньше-то романы называли «Война и мир». Или «Преступление и наказание». «Тихий Дон», наконец. А тут как-то мелко, банально, извините, пошло...

Заметим сразу, Макс был автором достаточно опытным. За плечами реальная литературная школа. Учился не абы у кого – у настоящих мастеров. Поэтому всегда был готов услышать о своих текстах мнение обычных читателей, располагающееся в диапазоне от безудержного восторга до полного отрицания. Да, конечно, читатель всегда прав. Но и автор тоже всегда прав. И совсем не обязательно быть при этом взаимно вежливыми. Хотя и желательно.

– А я-то хоть вам понравился? – шутливо спросил Макс, помогая хозяйке уйти от затеянного ею разговора. Уже чувствовалось, что хозяйке этот разговор перестаёт нравиться. Наташа ввернула сигарету в дно чёрной пепельницы, подошла к столу и произнесла, тоже шутливо:

– Разве вы не из тех мужчин, которые абсолютно уверены, что просто не могут не понравиться женщине? – и добавила после короткой паузы: – Тем более если женщина в определённом возрасте. Если при этом её отнюдь не распирает от счастья. Если она продолжает ждать от судьбы пускай не подарка, то хотя бы сюрприза. Согласитесь, и в России таких женщин немало?

– Трудно не согласиться, – всё так же шутливо. – Потому что другие женщины в России попадают куда реже, чем потерянные кошельки на асфальте.

Сидение в кухне не могло тянуться без конца. Наташа сказала, что у неё дела на другом конце острова и она может подбросить Макса до пристани. Оттуда ходят Ferry. Это такой паром – челноком соединяет Staten Island с Manhattan.

Минут через пятнадцать они сидели в новенькой бежевой Toyota, вырубивая из проулка на широкую улицу, которая стекала в сторону пристани серой асфальтовой рекой.

За рулём Наташа смотрелась опытной амазонкой в седле на молодом, но хорошо объезженном скакуне. Её движения рук и ног напоминали движения робота, не знающего ошибок. Наверное, поэтому разговор между ними вспыхнул с новым энтузиазмом. Точно огонёк от зажигалки. При этом Наташа достала её из бардачка и прикурила тонкую чёрную сигарету.

– Вот я сказала, что мне не понравилась ваша книга. Пожалуй, это действительно так. Но что любопытно – ваша «Желанная» у меня из головы не выходит. И из сердца тоже, черт возьми, не выходит... Задела... За живое задела...

Тут Макс тоже признался, что не менее любопытно, что самые благодарные читатели его прозаических книг, как это для него ни странно, – женщины. Причём самые разные – независимо от возраста, цвета волос и кожи, воспитания и образованности, профессии и сексуальной ориентации.

– По-моему, ничего странного в этом нет. Любой женщине всегда интересно узнать о мужчинах что-нибудь новенькое, что-нибудь этакое.

– Интересно, а что новенького узнали для себя вы, Наташа? – не удержался и спросил Макс.

– Да сколько угодно. Вот я никак не могу понять, почему так много современных мужчин предпочитают вообще не добиваться женщины. Куда подевались длительные ухаживания, так прекрасно описанные прежними литераторами? Где те господа, что задаривали возлюбленных охапками роз и россыпями бриллиантов? Покажите мне нынешнего Отелло, готового задушить любимую за одни только глупые подозрения в неверности... – И сама же ответила: – Неизвестно, куда подевались... Нет и в помине больше настоящих ухажёров... И нынешние Отелло терпят измены жён с покорностью, извините, содержанцев...

– С покорностью кого? – переспросил Макс.

– Содержанцев, – едко. – А всё почему? – повернула голову в сторону Макса.

– Почему?

– Да потому, что все нынешние мужчины, чуть что, предпочитают самый простой способ удовлетворения сексуальных влечений – мас-тур-ба-цию! – именно по слогам. – Будто прыщавые старшеклассники. Или студентки с вечно пустыми желудками и карманами... Да с какими-нибудь физическими изъянами... – почти зло. – Что, разве я не права?

Макс помолчал, потом произнёс, точно заученный текст:

– А для меня в своё время было открытием, что большинство женщин даже не подозревают, что немалое число их мужчин в той или иной степени занимаются самоудовлетворением на протяжении всей жизни. Только представить, сколько женщин могло в корне изменить модель собственного поведения в постели, да ещё и с самых первых занятий любовью с мужчиной... – и, выдержав паузу: – Всё же, надеюсь, мои тексты не об этом?

– Господи, да о чём же?..

Вопрос так и повис в прохладном воздухе, струящемся из кондиционера. Машина резко затормозила у тротуара, ведущего к причалу.

Макс поблагодарил Наташу и покинул автомобиль, отметив про себя, что в её глазах впервые за утро появился хоть какой-то блеск.

И бодро зашагал в сторону входа в помещение причала с одной только мыслью: «Не исключено, что я её выебу...» И продолжал при этом с удовольствием ощущать ласки нежаркого ещё солнца. И прелесть лёгкого морского ветерка, тянувшего со стороны далёких небоскрёбов Manhattan. Те колебались в мареве, напоминая гигантские образования горного хрусталя...

Весна 1998-го. Санкт-Петербург

Жили так. Их часть старинной финской дачи напоминала банку со шпротами. В «большой» комнате обитали пасынок Жека и два волнистых попугайчика – Чика и Мика. В «дальней» комнате проживала молодая семья – дочь Катя, зять Эдик и пятилетняя внучка Машуля. В спальняной комнате – служила одновременно писательским кабинетом – обретались они с Дашей.

И вместе со всеми – ещё три собаки. Пожилая болонка Жулька. Её сынок Филя, произведённый на свет божий от соседского королевского пуделя. И молодой ушастый кобель Лайм – английский кокер-спаниель.

И ещё громадный сибирский кот Атос. Именно его все любили больше всех. В ответ кот пользовался общей любовью самым бесстыдным образом.

Вот тогда-то Макс решил соорудить в комнате, на высоте двух метров, деревенские полаты – спальное для них с Дашей ложе. Под полатами был поставлен стол. На столе – его писательский компьютер, четыреста восемьдесят шестой Packard Bell «белой» сборки.

Теперь их часть дома уже не напоминала банку со шпротами. Пасынок Жека окончил среднюю школу, поступил в институт и перебрался жить к «бабуле», на Васильевский остров.

Вместе с Жеккой в городскую квартиру переехали волнистые попугайчики.

Дочь Катя сначала укатила на Урал, к бабушке с дедом, его, Макса, родителям. Мотив был серьёзный – лучше подготовиться к госэкзаменам. Правда, закончилось это разрывом с Эдиком и одновременно – замужеством с Антоном. С новым зятем Макс пока не имеет чести быть знаком лично, для него Антон – самая настоящая загадка.

Ушастого кобеля Лайма пришлось вернуть Кирпичникову. Это было одно из самых тяжких и принципиальных условий Дашиного развода с Кирпичниковым, её вторым законным супругом.

Кот Атос сцепился в неравной схватке с соседским ротвейлером. Закончилось тем, что ротвейлер покусал коту хвост. Казалось, ничего страшного, но вскоре у Атоса возник сепсис, и никакие уколы и таблетки общему любимцу не помогли.

Ещё более грустная история случилась с Филей на глазах всего их семейства. Был прохладный апрельский вечер. Отправились на прогулку к Финскому заливу. Жулька вышагивала подле Эдика, пасынок вел Лайма, а Филю вела на поводке пятилетняя Машуля. Неожиданно со стороны придорожной забегаловки появилась не совсем трезвая парочка. Это были краснорожий плюгавый дядечка с тупой рожей и высокая тощая дама с фиолетовым украшением под левым глазом. Около них крутился громадный лохматый кобель с оторванным ухом.

Филя, завидев кобеля, вырвался из рук внучки и кинулся навстречу. Для него это было характерно – знакомиться с каждой новой собакой, пытаться с ней подружиться и поиграть. И ведь сколько предупреждали Филю, что нельзя быть таким простодушным. Что вокруг немало существ истинно злобных, жестоких и беспощадных. Что в поисках друзей надо быть очень разборчивым и осторожным. Как его мама Жулька – редкая в этом смысле дама.

Впрочем, чего теперь-то об этом. У Филя на этот счёт было собственное непоколебимое мнение.

Филя подскочил к громадному лохматому кобелю, встал на задние лапы, показывая всем своим видом исключительное дружелюбие. Кобель опустил злобную морду, глянул на Филю мутными красными глазками как на придурка и вонзил клыки в Филин загривок.

И оторвал от земли. И тряхнул. И Филя при этом не успел даже пикнуть.

...Филя умирал на руках Макса. Из раны на шее струилась кровь. Филя смотрел большими чёрными пуговками, будто только в сие мгновение осознал, как он жестоко ошибался и надо было слушаться мудрого хозяина.

И словно умолял его совершить чудо и поправить непоправимое.

И словно никак не мог взять в толк, почему Макс, человеку, этого не дано?
Так и умер...

Суббота, 28 августа 1999 года. Нью-Йорк

На причале Макс выяснил, что Ferry курсирует между Staten Island и Manhattan довольно часто, особенно по утрам и вечерам. Что никаких денег платить не надо. Что времени это занимает минут тридцать, не более.

Паром отчалил по расписанию. Всю нижнюю палубу занимали автомобили. Выше – просторный холл с баром и рядами сидений для пассажиров.

Макс стоял на верхней открытой палубе со сложенными на груди руками и испытывал состояние очевидной приподнятости духа. Зрелище, что открывалось взору, казалось фантастическим. Manhattan увеличивался на глазах, принимая узнаваемые по фильмам черты. Паром сближался с Manhattan со стороны океана, и Макс неожиданно почувствовал себя в шкуре тех тысяч и миллионов эмигрантов, что во все времена накатываются на Нью-Йорк, точно волны. И, точно волны, растекаются по берегу в поисках счастья. И веры. И благополучия. И справедливости. И покоя. Но главное – в поисках самих себя.

Точно из волн, слева возникла статуя Свободы. Зеленая от окислившейся меди, эта великая женщина с факелом в руке поприветствовала Макса так, как приветствует всех тех, кто решил прибиться к берегу, вот уже много-много лет.

Громады небоскрёбов, казалось, вот-вот начнут опрокидываться на паром. Красота была редкой. Точнее, ничего подобного он ещё не видал. Макс всегда как-то по-особенному чувствовал архитектуру. Мало в ней разбирался, но испытывал едва ли не физическое ощущение наслаждения, когда взгляд упирался в какое-нибудь необычное здание или ансамбль. Так, в родном Питере он очень любил без всякой цели кружить по старому городу, всякий раз замирая от вида знаменитых домов и площадей. И от незнаменитых домов тоже замирал, если чувствовал, что в здание вложена душа архитектора.

Макс сошёл на берег, испытывая в ногах лёгкость подростка.

В чужих городах он предпочитал не прибегать к услугам гида. Был уверен, что дежурные экскурсии с посещением дежурных достопримечательностей обыкновенно скучны. Ведь туристам показывают то, что они уже знают – по фильмам, по книгам, по открыткам. По-настоящему надо познавать город, как познают новую женщину. Ведь каждому мужчине известно, что и где у женщины самое интересное. Но лишь нетерпеливые самцы пытаются с наскоку залезть под кофточку или под юбку. Куда интереснее – познавать с мелочей. Какой цвет волос?

А цвет глаз?

А насколько нежна и чиста кожа?

А походка?

А линия бедер?

А запах?

А тембр голоса?

А улыбка?

А чувство юмора?

А отзывчивость на слова?

На прикосновения?

Это продажная женщина – всегда на работе. У неё профессия такая – предоставлять сексуальные услуги, причём быстро и качественно.

Макс предпочитал знакомиться с новым городом не только без гида, но и без карт, без путеводителей. И Нью-Йорк не стал исключением.

От причала он свернул налево. Там, со стороны парка, доносилась музыка. Как он потом узнал от Игоря, в Battery Park отмечался «индийский» день. Вообще этот парк в Нью-Йорке

знаменит тем, что там едва ли не каждый week-end отмечаются дни какой-нибудь нации или страны. Настоящие праздники – с национальной едой, напитками, музыкой, танцами.

Макс зашёл в парк и сразу же оказался в толпе индусов – точно сошли с экрана индийского фильма. По краям аллеи тянулись ряды лотков с едой и напитками. Макс остановился у лотка-телеги. Сверху навалом лежал зелёный тростник. Молодой индеец с белозубой улыбкой стоял подле и запихивал тростник в нечто, напоминающее мясорубку. С другой стороны в большую эмалированную кастрюлю текла мутная зеленоватая жидкость. стакан этой мути стоил доллар. Макс решил попробовать. На вкус сок тростника оказался сладкой-пресладкой гадостью, но со льдом.

Недопитый пластиковый стакан Макс опрокидывал в урну, когда его плеча коснулась чья-то рука. Макс обернулся. Рядом стоял пожилой индеец с пьяными глазами и чалмой на голове. Индеец широко заулыбался и произнёс:

– Hi, Alex!

– Sorry, – ответил Макс, – But I am not Alex.

Улыбка ещё продолжала украшать лицо пьяного индейца, но глаза словно протрезвели. Он пробурчал что-то невнятное, но уже в спину Макса.

Макс кружил по Dawn-town. Небоскрёбы торчали из асфальта, словно огромные карандаши. У Макса начала побаливать шея от постоянно запрокинутой головы. Свернул, как ему показалось, в проулок. Глянул на табличку, что украшала угол серого здания, и был слегка ошарашен: Wall Street. Шёл по знаменитой улице и ощущал себя внутри сейфа с пирамидами из зелёных банкнот.

Профессиональная наблюдательность подсказала, что ручейки прохожих, вытекающие из разных улиц и улочек, сливаются и дальше текут в одном направлении. Это была Fulton Street, спускающаяся непонятно куда.

Внезапно открылась панорама. Это было ощущение дежавю. Уже где-то Макс это видел. Не факт, что наяву, а точно во сне. Макс стоял на берегу East River. Слева – многоярусный горб Brooklyn's Bridge, справа – парусник с названием по борту Pacing.

Тут же, на берегу, supermarket, словно аквариум. За стёклами больших окон сновали покупатели, напоминающие экзотических рыбок: белые, чёрные, жёлтые, красные...

Макс зашёл в supermarket, поднялся на эскалаторе под крышу и оказался в китайском ресторанчике. Неожиданно перед его носом возник молоденький китайчонок с улыбкой и с подносом в руках. На подносе – блюдо. На блюде – дымящаяся горка из кусочков курятины, обжаренной, судя по запаху, на углях, с дымком. Макс сообразил, что китайчонок предлагает ему попробовать. Он взял с подноса остро отточенную палочку, наколол кусочек и отправил в рот. И почувствовал, что китайчонок абсолютно прав: обжаренная на углях курятина – именно то, что надо.

Макс устроился за столом у окна и заказал куриные кусочки с рисом и фасолью. Ему принесли тарелку с полметра диаметром. Чтобы справиться с действительно очень вкусной едой, ему понадобилось не менее получаса. И за всю эту сытную и обильную вкуснятину – каких-то пять баксов.

Макс вышел из supermarket. Было что-то около четырёх. Солнце продолжало висеть над небоскрёбами, напоминая золотую монету, выкатившуюся из сейфа Chase Manhattan Bank. Макс поймал себя на мысли, что вспомнил название именно этого банка не случайно. Выскочило из подсознания, точно разбойник из-за угла. Здесь, в Америке, в Нью-Йорке, он находится не с праздными целями. Завтра начинается US Open. Турнир Большого Шлема. Великий осенний теннисный карнавал. И не мешало бы подумать, как и что Макс будет делать ближайшие две недели турнира. Зелёные денежки, выданные на поездку, надо отрабатывать. В Питер он должен вернуться не только с эмоциями, но и с десятками отснятых фотоплёнок. С магнитофонными записями интервью и бесед с игроками и тренерами. С исписанными блокнотами.

Всё это послужит материалом для будущих журналистских публикаций. Но главное – есть важные договорённости о партнёрстве с издателем. Суть партнёрства – попытка издавать в Питере специализированный теннисный журнал. Для Макса это была *idea fix*. Ему всегда казалось, что питерскому теннису ничего так не хватает, как специализированного глянцевого журнала.

От *supermarket* Макс направился в сторону парусника *Resing*. Там, на берегу, возвышалась эстрада. На эстраде, будто деревья на ветру, раскачивались юные музыканты. Двое гитаристов, клавишник и барабанщик. Звуки раздавались бодрые, весёлые и мелодичные. Вместе с музыкантами раскачивалась публика. Лица всё были молодые, белозубые, разноцветные. Стояли группами и напоминали букеты экзотических цветов. Многие пели.

И что замечательно – ни одной кислой рожи. Или мрачной. Тем более – злобной. Или пьяной. Не говоря уж – обкуренной или обколотой. Зато сколько было искренних улыбок, доброжелательных лиц, взглядов!.. Такое количество и того и другого, кажется, не попадалось Максиму за всю прожитую жизнь.

Он постоял, слушая музыку, и думал, что, наверное, не всем из этих молодых людей действительно так уж весело. Не все из них искренне доброжелательны. Хватает среди них любителей крепкой выпивки. Кое-кто наверняка покуривает марихуану. Есть и те, кто не прочь уколоться. Но у всех, должно быть, в крови, что их проблемы – это их проблемы. Что другие люди ни при чём, если ты «угорел». Если тебе очень хочется дать первому встречному кулаком в морду или хотя бы плюнуть в неё.

У Макса было собственное понимание западного менталитета. Здесь каждый нормальный человек может запросто иметь револьвер, пулемёт или даже пушку. И каждый другой человек знает и понимает: всякое посягательство на чужое самолюбие, здоровье или жизнь может вернуться обидчику тем же свинцом между глаз. Поэтому никто не спешит задеть чужое самолюбие или пошатнуть здоровье. Не говоря уж об угрозе жизни.

Время пролетело незаметно. Солнце начало падать с горизонта, точно на парашюте. Макс решил, что самое время идти к причалу. Знал, что это довольно близко, поэтому отправился назад ещё не знакомыми улицами.

Метров через двести вышел на неширокую пешеходную улицу с большими цветочными клумбами и мраморными скамейками.

У одной клумбы в полукруге толпы стоял высокий темнокожий мужчина в белоснежном трико и время от времени дышал в сторону публики огненными струями, напоминая солдата с огнём. В паузах мужчина отпускал шуточки, мол, у меня не желудок, а бочонок с бензином. Если кто желает, может заправить машину, хотя это будет подороже, чем на обычной заправке.

Публика улыбалась, хлопала в ладоши. Особенно дети – их глаза были полны удивления и восторга. Одна белая с золотистыми кудрями девочка вдруг очень громко заплакала. Папа взял девочку на руки со словами:

– Baby, what happened?

– I'm afraid! – ответила девочка.

Ещё через пятьдесят шагов Макс вновь был среди зевак, потешавшихся над уличным танцором. Это был невысокий симпатичный латинос пенсионного возраста. В руках у танцора была кукла видом и размером с натуральную партнёршу. Ноги куклы были закреплены на носках удлинённых танцоровых башмаков. Под музыку стоявшего на мраморной скамье усилителя кавалер и его необычная дама исполняли зажигательное танго. Шуток не было. Лицо танцора было таким же неподвижным, как и у куклы. Но при этом оба, казалось, выражали смешанные чувства – страсти, нежности, грусти, даже тоски.

Никто из публики не улыбался. И никто не плакал. Лишь иногда в мятую шляпу, лежавшую подле усилителя, словно тяжёлые капли, падали белые монеты.

Ещё через пятьдесят шагов Макс увидел, как на фанерном кубе, оклеенном бумажным гранитом, сидит крупная дородная женщина. Вся она была цветом окислившейся меди – платье со складками, лицо, руки. Женщина, как легко догадаться, создавала на улице образ статуи Свободы. Теперь у неё был перерыв. «Свобода» с равнодушным лицом жевала hamburger и запивала Pepsi. Рядом лежал бумажный факел, тоже зелёный.

– Can I take picture? – спросил Макс, поднимая камеру.

– Five dollars, – равнодушно и продолжая жевать.

– One dollars, – твёрдо произнёс Макс.

– O'key.

Макс ещё покружил по нижнему городу. Приподнятое настроение усиливалось. Теперь он мог уже сформулировать своё отношение к Великому городу. Ничего подобного в Европе нет. И сравнивать – даже наивно. Это просто «другая красота». Дру-га-я! Макс даже заулыбался от мысли, когда подумал, что Европа напоминает ему прекрасную, ухоженную, пахнущую дорогим парфюмом, но всё же пожилую даму. А вот Америка – это пышущая здоровьем, цветущая молодая женщина с бурлящей в жилах смесью из всех известных человеческих кровей. На Европу хочется любоваться, а вот Америку – просто хочется...

Паром отчалил от берега ровно в семь тридцать, по расписанию. Сделав крутой вираж, развернул нос на Staten Island, казавшийся издали точно за прозрачным розово-голубым занавесом.

Макс обернулся. Manhattan с каждой минутой уменьшался в размерах, но при этом всё ярче пылал в лучах малинового закатного солнца.

Когда статуя Свободы осталась чуть позади и уже дотаивала в сумерках, Макс спустился с верхней на среднюю палубу. Купил в баре пакет с чипсами, банку пива и устроился на свободном кресле. Перед ним сидела парочка – круглолицый блондин лет тридцати в обнимку с темнокожей красоткой. Оба навеселе. Тонкая, отливающая чернилами рука красотки напоминала змею, ползущую мужчине в брюки под широкий жёлтый ремень.

Макс подглядывал за рукой красотки, скашивая глаза. Но вдруг «змея», точно под гипнозом, окоченела. Макс поднял взгляд на блондина и тут же сообразил, что у него могут возникнуть неприятности. «Американцы терпеть не могут, когда за ними кто-то пристально наблюдает», – вспомнил Макс предупреждение Игоря.

Макс открыл пиво, раскрыл пакет с чипсами. Будто на выручку, заиграл саксофон. Макс повернулся к льющим звукам. Саксофон, будто серебряный кальян, торчал изо рта пожилого афроамериканца. Музыкант извлекал грустную мелодию с закрытыми глазами, покачивая седой головой. Чувствовалось, что он делал своё дело, вкладывая душу. Но публика, казалось Макс, всё равно оставалась равнодушной. И к музыканту. И к музыке. Равнодушной ко всему, что происходит вокруг. И не вокруг тоже. При этом редкий пассажир что-нибудь не жевал или не пил.

Максу стало как-то не по себе, и он скоренько допил пиво, а недоеденные чипсы сунул в рюкзак.

Причалили, когда в иллюминаторах было совсем темно. Седой музыкант укладывал саксофон в обшарпанный футляр, будто ребёнка. Проходя мимо, Макс опустил в лежащую на полу мятую шляпу новенький хрустящий доллар. Музыкант поднял на Макса жёлтые глаза и улыбнулся, как улыбаются дети, законченные добряки или идиоты от природы.

Было странным, но Макс не нашёл автобуса под номером пятьдесят один. Линий со стоянками оказалось так много, что пока он бегал туда-сюда, все автобусы разбежались от причала, словно перепуганные тараканы.

Вдали, точно кружево из лампочек, висел над заливом Verrazano. Именно мост помог Макс ориентироваться, и он направился пешком.

Было необычно темно. Половина девятого, а на улицах, как в пустыне – ни души. Лишь изредка на большой скорости пролетали машины. Из открытых окон авто летели молодые весёлые голоса. И музыка. И пустые пивные банки – какое-то время они продолжали скакать за автомобилем, точно серебрястые лягушки.

Так Макс прошёл метров восемьсот и забеспокоился, мол, туда ли идёт? Остановился. Огляделся. И вернулся к причалу. Дождался автобуса. Поднялся в салон и сразу к водителю. Тот понял, что Макс здесь впервые. Спросил, куда ему надо. Макс всё перезабыл. Помнил только, что к причалу они всё время спускались.

– I think I need up hill, – неуверенно произнёс Макс.

Темнокожий водитель, толстый и губастый, с жёлтой цепочкой на влажной шее, заулыбался от уха до уха, открывая ряды белых крепких зубов.

– O'key, – сказал он, газуя и пуская автобус, будто в карьер.

Макс едва удержался за поручни. Обернулся и увидел, что редкие пассажиры тоже чему-то улыбаются и разглядывают его, словно экспонат в музее.

В гору автобус не забрался, а точно взлетел. Дальше водитель ехал очень медленно, давая Максу рассмотреть в окно что-нибудь знакомое. Утром, когда он прогуливался перед завтраком, ему бросился в глаза итальянский ресторанчик, стоявший на углу шоссе и проулка.

Макс узнал ресторанчик, точно старого знакомого, что пришёл на выручку. Автобус резко остановился. Поблагодарив водителя, Макс вышел.

Темно. Никого. Глянул на часы – нет девяти. Было довольно странным, что американцы так рано сидят по домам.

Прошёл мимо бара. В открытые двери вытекал громкий разговор бармена и одинокого клиента. Оба, как понял Макс, были изрядно подвыпившими.

Метров через пятьдесят стоял магазинчик. Над входной дверью висела цифра «24». Макс зашёл и купил упаковку пива Brooklyn. Минут через пять он был в доме Игоря.

Его ждали. Уже начали слегка беспокоиться, не заблудился ли гость в каменных джунглях Manhattan. Или среди холмов Staten Island. Нет, слава богу, не заблудился. И кажется, всё в порядке.

Они коротали остаток вечера в гостиной с пивом и с разговорами. Больше говорили Игорь и Макс. Наташа при этом сидела на краю углового дивана, думала о чём-то своём. Иногда она искоса поглядывала то на мужа, то на Макса, точно сравнивала их. Позже Наташа призналась, что она не узнавала Игоря. Что он давно ни с кем и ни о чём так не разговаривал. Что появление в их доме Макса – это камень, упавший в их семейное болотце. И она не может сказать с уверенностью – хорошо это или не очень.

Раздался телефонный звонок. Игорь поднял трубку.

– Да, Анечка, разумеется, – пауза. – Нет, ничего не надо.

Спустя пару минут в доме появилась Анечка. Макс показалось, что позднюю гостью тоже ждали. Анечка выглядела женщиной с небольшим атомным реактором внутри. А игривость во взгляде и мешки под небольшими зеленоватыми глазками выдавали в ней одинокое настоящее бывшего пионерско-комсомольского вожака или педагога.

Гостья присела в кресло напротив Макса, закинув ногу на ногу. Юбка гостьи была короткой. Ноги Анечки, покрытые пушком светлых волос, торчали, словно бананы. Из-под юбки выглядывали голубенькие в «горошек» трусики. И Макс показалось, что именно из-под юбки так тянет парфюмом – Анечка благоухала, словно клумба с цветами. И вновь идиотская мысль: «Не исключено, что и эту особу я тоже выебу...»

Тут Макс с улыбкой вспомнил старого врача-еврея, который служил в районной поликлинике гинекологом и о котором рассказал его байкальский тесть. Звали врача Моисей Аронович, и он иногда заглядывал к тестю обмениваться районными новостями да поиграть в шахматы. Тесть как-то спросил шутливо, каково уважаемому доктору каждый день заглядывать

женщинам между ног. На что Моисей Арнович ответил, тоже шутливо, мол, заглядывать женщинам между ног – это его призвание. Но есть в профессии один весьма его раздражающий нюанс. Немало женщин является на приём не только старательно подмытыми, но и не менее старательно надушенными. «Всякий раз намекаю пациенткам, что женские прелести должны пахнуть женскими прелестями, а не духами „Красная Москва“, – заметил Моисей Арнович. И закруглил: – Впрочем, бесполезно...»

Макс почти угадал. Анечка была когда-то школьной пионервожатой, потом стала учителем. И не просто учителем, а первой наставницей Кирюши. Ещё чутьё подсказывало, что Игоря и гостью связывают (или связывали) более нежные отношения, нежели те, что они выставляют напоказ. Об этом было легко догадаться по насмешливым взглядам хозяйки дома в сторону Анечки.

Перебраться в Нью-Йорк Анечке, разумеется, помог Игорь. Здесь она уже третий год. С английским языком есть проблемы. Деньги зарабатывает как cleaner. Это профессия – наводить порядок в доме, пока хозяева находятся на работе. От Анечки Макс стало известно, что быть cleaner – это куда лучше, чем baby-sitter (нянька, по-русски) или seller (продащица) – самые распространенные среди эмигранток профессии.

Неожиданно гостью засобиралась. Сказала, что завтра у неё будет не самый простой день и она должна хорошенько выспаться. Удерживать не стали. Игорь повез Анечку до Ferry.

– Я вижу, Аня вам не понравилась, – заметила Наташа. – Почему?

– В каком смысле? – сказал Макс.

– В прямом.

Макс пожал плечами.

– Для меня всегда тайна – почему мужчине с одной женщиной хочется переспать, а с другой – ни за какие пряники?

– И для меня – тоже тайна, – ответил Макс. И прибавил: – Если говорить за других.

– А если не за других?

Тут Макса понесло. Удивительное дело. Ему начало казаться, что Наташа уже не представляет большой загадки. Возможно, никакой загадки вообще не было. Это как сложный на вид замок. Пытаешься открыть, а потом оказывается, что дверь вообще не заперта.

Макс вполне серьёзно считал себя автором некой новой «теории игры». Если не вдаваться в подробности и излагать суть теории как можно популярнее, то выглядит это примерно так. Вот, к примеру, есть такая замечательная игра, как теннис. Этой игрой Макс увлекается с подросткового возраста. И по сегодняшний день. Лет сорок увлекается. Да, он не достиг чемпионских высот. Но Макс никогда и не ставил такой задачи. Да и не мог ставить хотя бы в силу конкретных жизненных обстоятельств. Ведь он вырос в провинции, в областном зауральском городишке, где был один-единственный асфальтовый корт и на этом корте – один-единственный тренер. Из «бывших». Самого что ни на есть благородного происхождения. Чуть ли не из «графьёв». Но в теннисе, как теперь Макс хорошо понимает, тренер был дилетантом. И всё же Макс удалось научиться играть вполне прилично. Мало того, он научился учить играть в теннис других. Причём некоторые из этих других тоже вполне прилично играют. Ко всему прочему Макс написал три теннисных книжки. Они сделаны как популярные учебные пособия. Макс очень гордится, что ему повезло сочинить некоторые формулировки. Он даже уверен: их ещё только предстоит оценить всем, кто пытается познать теннис глубоко и всерьёз. Вот хотя бы одна из них: «Тактика – это умение игрока мыслить ударами».

Итак, по «новой» теории Макса, всё в этой жизни есть по сути игра. И неважно, во что ты играешь – в теннис, в шахматы или в любовь. Или в карьеру. Или в дружбу. Или в семью. Или в науку. Или в литературу. Важно, что ты знаком с правилами этой игры. Мало того, ты умеешь играть в эту игру. Желательно, чтобы у тебя была за плечами серьёзная подготовка, что-то вроде «школы». То есть ты брал уроки у настоящего Учителя, Тренера, Мастера, Гуру,

Мэтра, если угодно. Неплохо, если от природы ты был одарён определёнными способностями к этой игре. Ещё лучше, если ты учился играть осознанно и ставил перед собой цели, ради которых стоило изнурять себя тренировками.

Допустим, некие он и она начинают играть в любовь. Если просто, то конечный успех будет выглядеть так: он без ума от неё, она без ума – от него, и при этом у обоих возникает ощущение перманентного счастья и удовлетворения. Это же самое можно сказать об играх в дружбу, в семью, в карьеру и так далее.

Если уж совсем по-простому, то качество любого успеха находится в прямой зависимости от природного таланта игрока, огромного желания и, понятное дело, удачи, форта, везения.

Максу ни много ни мало – пятьдесят. Иногда он признаётся знакомым, мол, «придурком я только выгляжу». Но самое любопытное, что собственной «теории игры» он придумал более или менее законченный вид ещё лет десять назад. С тех пор радуется, как ребёнок, если жизнь нет-нет да и подбросит ему факты, что в той или иной степени говорят об истинности главного плода его творческого воображения.

Макс выплеснул всё это, правда, ещё более упрощённо, на Наташу. По времени это заняло с полчаса. Макс напоминал глухаря на току. Точнее, он напоминал своего отца. Тот никогда не уставал повторять: «Вы меня выслушайте. А поступать будете так, как посчитаете нужным». Заметим, Макс впервые излагал «теорию игры» в таком виде, поэтому для него было важно не то, как его слушают, а то, как он излагает.

А Наташу он понимал так. Когда езды до Ferrу и обратно минут пятнадцать-двадцать, а мужа всё нет и нет – тут уж, извините, не до глупых теорий.

Игорь появился, когда губы Наташи были чисты от помады и даже слегка искусаны.

– Скучаете? – спросил Игорь с усмешкой на губах и тем самым блеском в глазах, что выдаёт в любом человеке состояние некой, всегда загадочной, хотя и естественной опустошённости.

– Наоборот, – выпалил Макс.

И улыбнулся. Потому что Игорь плюхнулся на диван рядом с ним и Макс краем взгляда заметил на светлых брюках длинный каштановый волос, большим колечком. Недалеко от ширинки...

Тут Наташа резко встала и вышла из гостиной, бросив на ходу резкое:

– С меня хватит. Надо и о себе подумать...

Из дневниковых записей Макса

...Позднее утро. Сажу за письменным столом, откинувшись в рабочем кресле. Почёсывая яйца, гляжу в распахнутое окно. За окном сад, умытый ночным дождём. Всё блестит и искрится в лучах яркого солнца, что подмигивает из-за большой серой тучи.

Верхушку яблони украшают спелые плоды, напоминающие разноцветные новогодние шарики. Парочка соек мечутся от одного яблока к другому. За птицами внимательно наблюдает кот Виски. Кот сидит под кустом смородины с надеждой, что рано или поздно пернатая добыча окажется в его острых когтях.

По Приморскому шоссе, будто скаковые лошади, мчатся авто. Я бы поставил вон на того бежевого «мерина» – буквально парит над мокрым асфальтом. К сожалению, ставок никто не принимает.

Позвонили из Екатеринбурга родители. У них всё неплохо. Поздравили. Позвонил средний брат. Тоже позддравил.

Позвонил старший брат...

Позвонил старый друг...

Позвонил новый друг...

Приятно в такой день слышать голоса тех, кого ты искренне любишь и кто искренне – тебя.

Ещё звонок. Поднимаю трубку. Голос знакомый, но никак не могу вспомнить имя. Спрашиваю:

– Откуда у вас мой телефон?

– Это секрет.

Говорили минут пятнадцать. Больше говорила она. Сбивчиво говорила. Но было понятно, что она находится под впечатлением. Что ничего подобного не читала, точнее, не ожидала прочитать.

– И я не ожидал, – с придыханием. Боже, как легко заставить автора расчувствоваться. И неожиданно: – Хотите шампанского?

Пауза. Трубка молчала, а я думал, что будет жаль, если Даша (кажется, её так зовут) окажется игроком слабеньким и к тому же не очень талантливым. И ходик-то я сделал совсем простенький. Неужели это так трудно?

– Хочу, – не совсем уверенно.

– Вы какое предпочитаете? – невольно вырвалось. Я даже слегка обалдел. Ведь так спросил Воланд у поэта Бездомного. Правда, речь шла о папиросах. И уточнил: – Сладкое или не очень?

– Французское.

«Да уж», – подумал я. И:

– Будем пить из гранёных стаканов.

– Почему?

– Потому что хрустальные бокалы пропали из этого дома вместе с первой женой.

– А не хрустальные – со второй?.. – слегка запинаясь.

– Со второй хуже – пропало желание пить шампанское, – и тут же: – А теперь это желание, кажется, понемногу возвращается.

Я предложил ей «поднять» стаканы и «выпить».

– За что?

– За то, что сорок четыре года назад в семье боевого русского офицера и обыкновенной учительницы немецкого языка родился мальчик по имени Максимка...

Суббота, 28 августа 1999 года. Нью-Йорк (продолжение)

Когда остались одни, то продолжили пить пиво и разговаривать. Игорь поделился замыслом нового коммерческого предприятия. Придумал издать что-то вроде энциклопедии. Героями статей будут две тысячи русских эмигрантов последней волны. Понятно, из тех, что преуспели в Америке. Издание будет осуществляться за счет фонда. Фонд – взносы этих самых «героев». Практическая деятельность незамысловата: бесчисленным мистерам Frumkin или Kozloff, разбогатевшим кто на чём, будет разослано предложение. Мол, так и так, мистер Frumkin, мы есть ваши искренние друзья и готовы опубликовать в нашей энциклопедии статью о вас, любимом. Мало того, статья будет выглядеть так, как изволите. И портрет тоже какой изволите. Правда, качество и объём статьи, равно как и размер фотографии, будут в прямой зависимости от суммы чека, отправленного вами на счёт фонда.

Предварительная смета издания – двести тысяч долларов. Доля Игоря – это процент от заказа плюс процент от реализации.

– Я бы рассчитывал на процент от заказа, – заметил Макс. – Продать такую энциклопедию с выгодой, по-моему, иллюзия.

– Это почему? – удивился Игорь.

Макс объяснил, что если задуманная книга будет издана на хорошей мелованной и достаточно плотной бумаге, да ещё и в твердом переплёте, то она непременно выйдет очень толстой, а значит, тяжёлой. Возня с распространением в итоге выльется в такие хлопоты, что владельцы тиража будут сами себе не рады.

– А что делать? – спросил Игорь, подозревая, что Макс прав.

– Математика простая, – ответил Макс.

И выдал Игорю вот такой расклад предприятия. Двести тысяч «зеленых» денег – это по сотне с каждого «героя». В предложение надо внести пункт: все «герои» в итоге получают по пять экземпляров энциклопедии, к тому же бесплатно. Для «героя» важно, что он будет иметь книги для подарков. Для Игоря как издателя – это решение проблемы распространения.

А вот каких-нибудь пятьсот-тысячу экземпляров можно действительно раскидать по Америке. В каждом городке, где есть хотя бы десяток-другой русских эмигрантов, всегда найдётся чудак с желанием купить энциклопедию, и будет счастлив. Потому что для этого чудака очень важно не только понимать, но и знать, что он беден, потому что честен. А все разбогатевшие соплеменники по сути – редкие проходимцы и жулики. И истории их преуспевания будут лишним тому подтверждением. Как бы и что там ни понаписали авторы. И вся история бывшего отечества – одни примеры. Взять хотя бы Алексашку Меншикова. Ну кто особенно знает о его заслугах перед отечеством? Зато даже дети ведают, каким отъявленным мошенником, взяточником и просто вором был этот сподвижник Петра Великого. А ведь начинал карьеру не где-нибудь – на базаре: пирожками с зайчатиной торговал.

А всё почему? А всё потому, что разбогатеть талантами и трудами для «нашего» человека – это же скучно и неинтересно. И никто ради такого богатства с печи слезать не будет, а уж пальцем шевелить – тем более.

Но при этом всегда есть тьма русских людей, предпочитающих носить собственную бедность и неблагополучие точно орден. И гордятся этим. И напоказ выставляют. И тихо радуются, когда видят в телевизоре или читают в газете, что с богатыми людьми всё время случается что-то трагическое. Обокрали, ограбили, разорили, посадили – это не новость. Новость – это когда богатого человека застрелили, взорвали или хотя бы довели до самоубийства. Ведь тогда он теряет жизнь, а значит, теряет всё.

– Да... – сказал Игорь, прикрывая ладонью рот. – Есть о чём подумать.

Родители

Макс уверен, что он человек удачливый. Знаков тому, кажется, – не перечесать. И самый первый – история его появления на свет божий.

Дело было в сорок девятом. Надо только представить крошечный уральский городок. История его, впрочем, славная и знаменитая. Некогда там пересекались великие торговые пути между Востоком и Западом. И ярмарочное веселье, похоже, до сих пор гуляет в крови местных жителей.

Отец тогда служил директором 1-й мужской средней школы, бывшей старорежимной гимназии. Есть фотография, где он восседает за старинным письменным столом в глубине огромного кабинета. Лепные потолки. Бронзовая люстра, украшенная хрустальными лепестками. Французские шторы на окнах. Поясные портреты вождей – Ленина и Сталина.

Торс отца стянут ладно пошитым офицерским кителем. На груди поблёскивает добытый на фронте орден Боевого Красного Знамени.

Отец смотрит в объектив камеры ясным, глубоким и слегка недоумённым взглядом. Словно догадывается, что, может быть, наиболее тяжкие испытания для него – ещё только грядут. И это странно. Хотя бы потому, что после боев в Померании весной сорок пятого ему всерьёз казалось – самое трагичное в этой жизни уже позади.

Мама тогда служила в той же 1-й мужской школе в должности преподавателя немецкого языка. И тоже есть фотография. Маме – двадцать четыре. Молодая женщина с удивительно весёлыми и беззаботными глазами. И чертами лица словно у ожившей античной статуи. И редкими по красоте волосами – густыми, тёмными, выщипавшимися крупными кольцами.

Познакомились родители так.

До войны отец закончил филфак педагогического.

Был женат на однокурснице.

Имел сына Фёдора и дочерей – Ольгу и Лиду.

Работал заведующим роно.

Считался принципиальным, верным и до конца преданным делу партии членом.

Когда началась война, получил бронь.

Осенью сорок первого ушёл на фронт добровольцем. «Я так боялся, что война скоро закончится... – рассказывал отец. – Всё думал и беспокоился – и как это буду смотреть в глаза близким, друзьям, знакомым и незнакомым людям? Будучи коммунистом...»

Окончил ускоренные офицерские курсы.

Попал в Заполярье.

Начал боевую карьеру с заместителя командира миномётной роты. Закончил – в политотделе армии, занимаясь поручениями командарма по связям с населением оккупированных СА территорий.

Прошёл Польшу, Германию, Австрию.

Встретил девятое мая сорок пятого в Дании, на острове Борнхольм. Там, где некогда мучился вечными вопросами самый знаменитый из принцев – Гамлет.

В конце лета сорок пятого отцу дали отпуск.

– У меня был выбор, – рассказывал отец. – Либо идти теплоходом через Балтику до Ленинграда, либо самолётом – сразу в Москву.

Отец выбрал самолёт, хотя друзья-офицеры уговаривали идти морем. Мол, спешить некуда, слава богу, живые остались! После такой бойни. И врага победили! Теперь нужен праздник. Душе. Телу. И чтобы этот праздник длился как можно дольше. Идеально – всю оставшуюся жизнь.

Отец был русским человеком на все сто процентов. Во всех пяти с лишком литрах крови, циркулировавших в его жилах, не было ни одной капли примеси. Чем отец, Макс это знает точно, очень и очень гордился. Хотя как истинный коммунист-интернационалист никогда не показывал виду.

Но при этом отец обладал исключительной для русского человека особенностью – терпеть не мог спиртного. С молодых лет и до восьмидесятилетней старости. Ни в каком виде. За редким-редким исключением, когда позволял себе рюмку хорошего коньяка или бокал шампанского, и непременно за праздничным столом.

– Я выбрал самолёт потому, что был уверен – путешествие на теплоходе будет сопровождаться пьянкой. А я буду, как всегда, выглядеть белой вороной.

Когда отец прилетел в Москву, то вскоре получил известие, что теплоход с его боевыми друзьями-офицерами угодил на мину и затонул в Балтике. Как потом выяснилось, отпускники перепились вместе с командой. Всё случилось так неожиданно и быстро, что никому из этой пошлой истории выплыть живым не повезло...

В Москве отец разыскал студенческого друга Георгия Шаповалова. Друг к тому времени уже опубликовал в толстом московском журнале свой первый роман «Фабрика», слыл одним из талантливейших молодых советских писателей.

Шаповалов снимал большую комнату на Петровке и обретался там с молодой женой-красавицей и пятилетней дочуркой.

Вот в этой большой комнате на Петровке отец и познакомился с будущей супругой – та доводилась жене Шаповалова родной младшей сестрой, училась в «Гнесинке» на оперную певицу.

– Мне тогда было двадцать один, – вспоминала мать. – Ни о чём, кроме будущей сценической карьеры, не думала и думать не хотела. Как и все девчонки в училище, загадывала для себя тернистый путь к вершинам оперного искусства. Где её, конечно же, ожидают розы охапками, восторженные аплодисменты и всенародный успех. И ничего страшного, если за всё это придется заплатить простым женским счастьем.

Так получилось, но едва ли не с первой минуты знакомства будущую оперную звезду точно подменили.

Со слов матери, она вошла в комнату сестры и даже не сразу поняла, что изменилось. Комната показалась светлее, краше, просторнее, чем обычно. Когда огляделась, то сообразила, что вокруг по сути – ничего такого особенного. Кроме молодого, широкоплечего, перетянутого скрипучей португесей офицера, восседавшего за накрытым столом. И офицер тот заливался необыкновенно жизнерадостным смехом. И при этом обнаруживал изумительно белые и ровные зубы с небольшой щёлкой посерединке верхнего ряда.

Дальше всё происходило естественно и логично. После ужина, уже за полночь, офицер вызвался проводить новую знакомую до общежития.

Путь оказался неблизким. Мимо Большого театра, через Манежную площадь, затем к «Ленинке», и там ещё минут двадцать неспешной ходьбы.

Мать не помнит, как и зачем они свернули в какой-то небольшой и уютный скверик. Не помнит и то, как она, воспитанная старшей сестрой в строгих правилах, в этом скверике ни с того ни с сего начала целоваться с едва знакомым мужчиной, резко пахнущим «Беломором», одеклоном «Шипр», войной и... другой женщиной.

Именно в те мгновения, уверена мать, когда её губы касались губ бравого офицера, она точно освободилась от сна. Пускай сладкого, радужного, привычного, но всё-таки сна. И как-то ясно и глубоко осознала собственное предназначение.

Что никакая сцена...

Никакие охапки роз...

Никакие аплодисменты...

Никакое признание...

Никогда не заменят ей то, что назначено женщине природой.

А она женщина. И она это чувствует. И понимает. И не пойдет этой сути наперекор. И похоже, нет на свете ничего такого, ради чего можно этой сути пожертвовать.

«Господи! – иногда думает Макс, поднимая взгляд к небу, – как это Ты всё в этом мире удивительным образом устроил. Пол-Европы лежало в руинах. Не счесть новых кладбищ и свежих могил. Кажется, всё население разделилось на тех, кто лёг в эти могилы, и тех, кто эти могилы оплакивает.»

А в это время из тысяч и тысяч молодых бравых офицеров Ты выбрал капитана Зубкова, дал ему ясно понять: ты и есть избранный. Ты не безразличен. Хотя ты, как и все «настоящие» коммунисты, не веришь в Меня. Я уберегу тебя в поле брани. И не раз. И не два. И даже не три... Отвёл от путешествия на теплоходе-смертнике. И вот – познакомил с той, что может и должна стать единственной...

...Отец умер, когда Максу было сорок шесть. Он, конечно же, не берётся утверждать, что понял отца, как никто, но именно его собственное понимание даёт право сказать уверенно: за всю свою долгую жизнь отец ни разу не ошибся, когда судьба ставила его перед серьёзным выбором. И только один раз...

Когда ему уже было за восемьдесят. Когда он отважился лечь под хирургический нож. И этот нож в руках опытного хирурга дрогнул. И случилось то, что случилось...

На следующий после знакомства день brave офицер отправился поездом на Урал. Там у него состоялся разговор с собственным отцом, Корнеем Ивановичем, и содержание этого разговора – глубочайшая семейная тайна.

Макс не однажды пытался в эту тайну проникнуть, но не очень успешно. Из обрывков случайно брошенных фраз, намёков, догадок и прочей информации он сделал вывод: тот памятный разговор деда со старшим сыном затрагивал вопросы чести семьи. Похоже, была драма из трёх участников, причём все трое – свои, родные и очень близкие люди.

И теперь Макс почти уверен, что в каждой семье должна быть хотя бы одна тайна и в эту тайну лучше не посвящать будущие поколения.

В итоге получилось вот что. Макс с братом Антоном – родные братья и по отцу, и по матери. С братом Фёдором и сёстрами – только по отцу. Но первая жена отца тоже вышла замуж, родила двух дочерей. Макс с Антоном они никто. Точнее, никто по крови. А по всему остальному – очень даже близкие люди.

Из отпуска brave офицер вернулся в Москву человеком, свободным от брачных уз. Легко уговорил несостоявшуюся оперную приму бросить учёбу и отправиться с ним в поверженную Германию.

Там в начале зимы сорок седьмого, в Богом забытом немецком городке Эйхенау, появился на свет брат Антон.

А летом сорок восьмого brave офицер был демобилизован. И с молодой женой, грудным мальчиком, двумя пудами муки, крупы, сала, картиной в золочёной раме «Осень в Померании» и трофейными настенными часами с римскими цифрами вернулся на родину.

Так вышло, что восьмилетний Фёдор и шестилетняя Лида жили тогда в семье отца. Семья занимала в старой гимназии один из классов, перестроенный под квартиру директора. Фёдор и Лида спали в большой комнате, а кроватка с грудным Антоном стояла между огромным супружеским диваном и круглой голландской печью.

Однажды – была ранняя весна сорок девятого – мать собиралась на школьное торжество. Надела выходной костюмчик.

– Чувствую, – вспоминает мать, – что-то не так... Подошла к отцу, а он мне: «Дорогая, а ты никак понесла...»

Мать тогда кинулась к районному гинекологу и со слезами: мол, делайте что хотите, но рожать не могу. Уже трое на руках. Младшенький ещё от груди не отстал. Тут надо помнить, что аборт в те времена были под строжайшим запретом. К ним прибегали лишь в строго оговорённых ситуациях. Но, как это водится на Руси, закон был что дышло. Кому очень надо было, находили к врачам подходы...

Гинеколог, со слов матери, была женщина редкая. В маленьком городке её любили, уважали и ценили одновременно. Поговаривали, что она из семьи репрессированного царского генерала. А генерал был женат на сестре одного из князей Оболенских.

...Это невероятно, но в начале семидесятых Макс работал на Свердловской киностудии и частенько сталкивался в буфете с известным киноактёром и режиссёром документальных фильмов Леонидом Оболенским. Это был удивительный старик с типичной внешностью русского аристократа – не очень высокий, но очень стройный и элегантный. С лицом точно из мрамора – чистым, спокойным и благородным. И взглядом – живым, глубоким и слегка ироничным. Недаром Леонид Оболенский переиграл в советском кино самых ярких и запоминающихся аристократов.

А как Оболенский, сидя за обеденным столом, орудовал ножом и вилок! Это было искусство. Нечто подобное Макс доводилось наблюдать лишь на королевских приемах в Уимблдонне спустя много-много лет.

Врач-гинеколог выслушала мать очень внимательно. Помогла справиться со слезами. Напоила чаем с брусничным вареньем. Усадила в гинекологическое кресло. Долго что-то высматривала и щупала. И в итоге убедила мать не делать аборт. Мол, вы такая молодая и красивая. У вас муж – такой уважаемый и надёжный во всех отношениях глава семейства. И такой удивительный первенец. И поверьте старой опытной повитухе, у вас будет замечательная девочка. И вы никогда не пожалеете, что дали ей появиться на свет.

Так рассказывает мать.

У отца была своя версия рождения младшего сына. Он тоже разговаривал с врачом и был предупрежден, что наверняка появится ещё один мальчик. И он как будущий отец должен сделать всё, чтобы этот мальчик был благополучно доношен. Потому что этот мальчик родится крепеньким и здоровеньким и непременно вырастет хорошим или очень хорошим советским человеком.

С той поры минуло пять десятков лет. Макс давно осознаёт себя человеком, до определённой степени одарённым к творчеству и постоянным размышлениям. Во взрослой жизни именно эти занятия доставляют ему наибольшее удовольствие.

Так вот, очень часто он размышляет, может быть, об одной из самых поразительных философских категорий – случайности. И обычно суть его размышлений сводится к тому, что судьба – это есть безусловная цепочка самых разных случайностей. И «некто» расставляет эти случайности на пути человека, точно капканы.

И отсюда главное качество, в частности, его, Макса, жизни – постоянное любопытство. И это любопытство, уверен, будет преследовать его вечно.

И самый любопытный «капкан» – это, конечно же, мгновения смерти, когда всякий человек познаёт то, после чего с ним уже будет только то, что будет...

Воскресенье, 29 августа 1999 года. Нью-Йорк

Комната и постель Макса были по-домашнему уютными и тёплыми. Но отчего-то вторую ночь в Америке он спал неважно. Беспокойно спал. И сон приснился какой-то американский. Во сне Макс что-то активно предпринимал, суетился, хлопотал, то и дело хотел купить или продать какие-то акции. Хотя в действительности о тех же акциях имел весьма смутное представление и, что важнее – иметь не хотел другого представления. Принципиально.

Окончательно проснулся рано, без четверти пять.

Встал. Спустился в кухню. Включил чайник. Нашел банку растворимого кофе. Заварил в кружке. После чего забелил кофе сливками из холодильника. Вновь поднялся к себе.

Устроился за письменным столом. Включил компьютер. Уставился в дисплей, точно кролик на удава. И вдруг, прихлёбывая кофе, начал импровизировать на клавишах музыку из слов и предложений – она рвалась наружу, точно пена из бутылки с шампанским. И эта музыка возникала не совсем понятно, как и откуда. Словно кто-то вливал эту музыку в уши. Как яд. И поражал внутренности отравой. Именно отравой, потому что в такие минуты со стороны Макс выглядел точно не в себе. Чему-то всё время улыбался. Корчил лицо гримасами. Бурчал под нос. Жестикулировал. А иногда, случалось, мог и всплакнуть. А иногда – чуть ли не оргазм испытывал.

Не говоря уж об отчаянии. Когда за утро из-под пальцев не возникало ни единой ладной строчки. А возникало сначала беспокойство, а потом страх. Вдруг – уже никогда. Это как мужчина – рано или поздно вскарабкается на женщину и... не сможет.

Около восьми, когда солнце уже приподнялось над крышей соседней виллы, Макс вылез из кресла. Ежедневная писательская «норма» была выдана на гора. С чувством почти сексуального удовлетворения он отправился на берег залива. Полюбовался видом Manhattan. Частокол из небоскрёбов на всякий взгляд отвечал всё новыми оттенками впечатлений.

К нему обернулся одинокий рыбак и кивнул: «Morning». Макс тоже кивнул и ответил тем же morning. Сделал привычную зарядку. Вернулся. И к назначенным восьми тридцати был готов завтракать.

В то утро Наташа потчевала их овсяной кашей на молоке.

Игорь после завтрака должен был отправиться в Brooklyn. Макс не удержался и напропался в попутчики.

Минут через двадцать их Pontiac вырвали на стоянку перед обширным сквером. Максу это место напомнило лондонский Regent's park, где в спортивном клубе работал тренером по теннису его давний питерский знакомый.

Вокруг было полным-полно разновозрастных и разноцветных американцев. Все – в тренировочных брюках, шортах, футболках. Одни играли в баскетбол, другие – в футбол, третьи – в бейсбол. И в теннис тоже играли. Как выяснил Макс, все до одной спортплощадки – бесплатные. И игроки выглядели очень даже прилично. Чувствовалась хорошая школа. Уровень наших перворазрядников. А вот в теннис играли так себе, по-любительски. Но в общем-то тоже очень даже вполне прилично играли.

Они гуляли по скверу, и тут Макс поделился с Игорем тайным желанием. Суть желания в том, что было бы то, что надо, если бы удалось дописать новый романчик, над которым он бьётся уже два года, – в Америке. У Макса чутьё, как у собаки. Почти уверен – с вдохновением здесь проблемы не будет. Написание романа напоминает Макс труд садовника. Чтобы выросло что-нибудь путное, нужны хорошие семена. И почва. И место. И климат. И каждодневные руки мастера.

Игорь заметил, что организовать это дело лично для него – раз плюнуть. Подыскать жильё на пять-шесть месяцев хотя бы здесь, в Brooklyn, можно очень даже недорого. Затем в рус-

ских газетах дать объявление о мастер-классе «известного питерского тренера, автора популярных в России теннисных книжек». Игорь больше чем уверен: на такую рекламу клюнет минимум пять-шесть учеников. Заработок составит доллары, необходимые для проживания в Нью-Йорке, к тому же припеваючи.

В машине Игорь предложил заехать в дом, где они жили первое время. Минут через пять машина притормозила у двухэтажного особняка, закрытого строительными лесами. Парадная дверь была нараспашку. Поднялись на второй этаж. Там парочка молодых людей в спецовках вставляла новые окна. Руководила ими моложавая курносая дамочка, пухлая и аппетитная, в серой футболке и с большими тёмными пятнами под мышками.

– Какие люди! – радостно всплеснула руками дамочка, вытягивая пухлые губы навстречу Игорю.

Игорь слегка приобнял хозяйку и скороговоркой заметил, что мы очень спешим. Что ничем угощаться не будем. Что тоже очень рады видеть дамочку в добром здравии, всю в делах и заботах.

Было жарко. И Роза Самуиловна, так звали хозяйку, все же сунула Игорю в руки банку с Соке, а Макс – с пивом. Пока они попивали ледяные напитки, Розе Самуиловне таки удалось поведать некоторые подробности истории семьи Слипченко. Это им в своё время продал дом Игорь, и они проживали здесь до последнего времени. Довольно банальная оказалась история. Но весьма характерная, как потом, уже в машине, заметил Игорь.

Так вот, жили здесь Эдик, Вика и их крошечная дочурка Манюся. Выходцы из Белоруссии. Еврейкой была Вика, а Эдик – чистопородный белорус. Оба молодые, красивые, образованные. И удачливые. Их отношения со стороны выглядели на зависть. Нежные были отношения. Трогательные. И «мечтательные», как заметила Роза Самуиловна. Залюбуешься, короче. А как оба любили, холили и баловали златокудрую Манюсечку!

В Америке всё у этой семьи выходило и складывалось, точно по писаному. Эдик, компьютерщик по профессии, со свободным английским, имел работу в солидной компании, с достойным окладом. Вика, стоматолог, тоже со свободным английским, служила в частной клинике и тоже не жаловалась на деньги, что зарабатывала у хозяина-американца.

Увы, как это часто бывает, наш Эдик абсолютно случайно и, разумеется, последним узнаёт, что его любимую жёнушку потрахивает хозяин клиники. И потрахивает едва ли не каждый божий день. Едва ли не с первых дней, как Вика устроилась на работу. Но самое гнусное, со слов Эдика, что хозяин этот – невысоконый, лысенький, кривоногий и толстозаденький выходец с Кубы. Да ещё и не отличающийся крепким здоровьем. Точнее, мешок с болячками. Но богатый. По советским меркам так просто сказочно богатый. Квартира в Manhattan. Дача на берегу Long Island. Яхта. Porsche. И жена в психиатрической клинике – уже без малого пяток лет. И дети учатся в Англии...

Удар для Эдика был такой силы, что он поначалу запил. Потом вышел из запоя. Но тут его словно подменили. Внутри редкого добряка и потомственного интеллигента (сын известного белорусского академика, автора учебников по истории родной коммунистической партии) вдруг ожил самый настоящий зверь. Однажды Эдик так избил Вику, да ещё и на глазах дочери, что жёнушка аж на полтора месяца угодила в больницу. Чужая возможную расправу американского правосудия, Эдик укатил на машине в Мексику. А оттуда самолётом компании British Airways прямо в город Лондон. Из Лондона – прямо в Минск, в объятия заплаканных от радости мамы, папы и близких родственников.

Вот такая история...

Они попрощались с Розой Самуиловной и отправились дальше. Оказалось, что недалеко, тут же в Brooklyn, на одном из перекрёстков их ждала парочка – дядя Фима и тётя Маня. Типичная семья американских «русских» евреев. Оба на пенсии. Дядя Фима – бывший портной, тётя Маня – бывшая товаровед универмага в Саратове. В Америку их принесло следом за

дочкой и зятем, в самом начале девяностых. Дядя Фима чем-то напоминал артиста Леонова, тётя Маня – уменьшенную копию Фаины Раневской.

Говорила в основном тётя Маня. Плюхнувшись на заднее сиденье, она заметила:

– Игорь, иногда мне кажется, что вы меня знаете лучше, чем я себя. Я же никогда не говорю то, что не думаю. Так вот, ваша новая машина – это нечто! Как я завидую Наташеньке. С таким мужем даже в аду не пропадёшь, не то что в Америке.

Заехали на овощной рынок. Вход украшала огромная вывеска с довольно необычным названием Three guys from Brooklyn, real friends of poor people.

Когда уже были в машине, Макс заметил, что больше всего ему нравится название рынка. Игорь тут же объяснил, что все эти «трое парней из Бруклина» – предприимчивые молодые евреи из Могилёва. Им удалось заарендовать этот участок с условием, что цены на продукты будут привлекательными для жителей небогатой округи.

Так оно, впрочем, и есть. Игорь купил отборный картофель, помидоры, морковь, перцы, чипсы, два литра сока. И всё это стоило меньше восьми долларов...

* * *

Дома нашли записку: «Буду вовремя. Наташа».

Игорь устроил гостей в кухне, за большим прямоугольным столом, накрытым бежевой накрахмаленной скатертью. Достал из холодильника пиво, минеральную воду, соки, фрукты. Всё было на столе, и гости неспешно что-то попивали, что-то надкусывали и что-то говорили.

Тем временем хозяин, с закатанными рукавами тельняшки и в цветастом передничке, на отдельном столике у плиты разделал крупного Salmon (по-русски – лосось) на аппетитные красные куски в светлых прожилках. Присолил. Поперчил. Затем крупно нарезал помидоры. Эти помидоры на рынке Игорь выбирал с особым пристрастием. Долго ходил вдоль прилавка – от холмика к холмику. Оценивал глазами. Щупал пальцами. Ему нужны были плоды не очень спелые, не слишком твёрдые, но обязательно красные. После чего к помидорам прибавилась морковь, перцы и лук, тоже нарезанные. Игорь мастерски разложил куски рыбы на дно глубокого противня, завалил их овощами, залил оливковым маслом и накрыл всё алюминиевой фольгой.

– Почему оливковым? – спросил Макс, тоже любитель готовить что-нибудь этакое.

– Оливковое масло не даёт запаха. Не перебивает натуральный вкус рыбы и овощей, – был ответ Игоря.

Из кухни вся компания переместилась на свежий воздух. Там в углу сада находилась беседка, увитая диким виноградом. В беседке – приличных размеров круглый стол и удобные плетёные кресла. Рядом с беседкой стояла печь для гриля, работающая на газе, и мешок с древесным углем.

– А зачем уголь? – Максу всё было интересно.

– Для запаха, – ответил Игорь.

Со стороны дороги раздался визг тормозов. Это была Toyota Наташи.

Хозяйка дома появилась в саду минут через десять. Была одета в полупрозрачную блузку. Под ней ненадежно прятались свободные от лифчика остроконечные шарики груди. Бедро стягивали бежевые шорты. Стройные загорелые ноги поблескивали атласной кожей. Улыбающаяся, Наташа выглядела, словно помолодевшая лет на десять.

– Ты опять начала заниматься в клубе? – спросил Игорь.

– Начала, – ответила Наташа. – А что?

Игорь хмыкнул себе под нос, но продолжать разговор не стал.

Навстречу Наташе поднялась тётя Маня. Женщины осторожно обнялись и ещё более осторожно коснулись друг друга накрашенными губами.

– Господи, Наташенька, да если бы я выглядела, как ты, я бы и в России чувствовала себя королевой.

Игорь колдовал у печки, женщины накрывали в беседке стол, а Макс отвечал на вопросы от дяди Фимы.

– Новости из России напоминают новости с поля боя. Каждый божий день кого-то стреляют или взрывают. А как при всём при этом чувствует себя простой обыватель? – спрашивал дядя Фима.

– По-моему, неплохо, – отвечал Макс. – Как и во все времена. Вот мой отец утверждал, что лично он не знал ни одного порядочного человека – страдальца от сталинских репрессий.

– А кем был ваш папа в эпоху товарища Сталина? – не унимался дядя Фима. Как выяснилось позже, его отец был военным хирургом и ещё до войны угодил в колымские лагеря. С тех пор об этом человеке не было известно ничего хорошего.

– Секретарём райкома, – это Макс.

– И где же?

– На Урале. В небольшом городке.

Дядя Фима задумался. Потом всё же не удержался и спросил:

– Значит, ваш папа был порядочным человеком?

– Порядочнее не придумаешь.

– Нет, молодой человек... – пауза. – Он был не только порядочным, но ещё весьма и весьма удачливым человеком.

Возражать против этого Макс не стал.

Минут через сорок рыба была готова и дымящийся противень стоял посерединке стола, обставленный частоколом бутылок.

– Господа, – нарочито серьёзным тоном произнёс Игорь, поднимая бокал. Выдержал паузу и продолжил: – Сегодня нам будет очень и очень трудно... – вновь пауза. И с подьёмом: – Хотя бы потому, что придётся много и хорошо выпить и закусить.

Мужчины предпочли виски с сидром и льдом, женщины – белое аргентинское вино. А рыба у Игоря получилась такая, что Макс не удержался и, отправляя в рот кусок нежного, сочного мяса, заметил:

– Автору, по-моему, удалось главное – душу вложить. Поэтому вкусно так, что хочется ещё и ещё.

Наташа заметила, мол, талантливого человека природа обыкновенно одаривает широко. Вот хотя бы взять Игоря. За что ни возьмётся, всё у него получается так, будто всю жизнь только этим и занимается.

Тётя Маня после двух бокалов вина порозовела и сказала, что долго не могла понять, чего это Игорь так спешно продал дом в Brooklyn и не менее спешно купил этот особняк на Staten Island. Ведь его многочисленным знакомым такие действия поначалу казались просто-напросто лишёнными здравого смысла.

– В Америке очень важно иметь обо всём и вся как можно больше информации, – заметил дядя Фима. – Именно это позволяет делать верные и расчётливые шаги, – пауза. – Вот мы с тобой, Манечка, планами развития нашего района не интересовались и теперь локоточки кусаем. Бесплезно. Наш дом уже потерял в цене не меньше пятнадцати процентов. А то и всех двадцати.

– Игорь, можно вопрос на засыпку? – тётя Маня.

– Без проблем.

– Если бы мы были знакомы до того, вы бы нас предупредили насчёт этой злополучной фабрики по переработке мусора?

Игорь раскрыл было рот, но его опередил дядя Фима:

– Манечка, умоляю тебя, это не по правилам. Игорь, конечно же, мог нас предупредить, но только в одном случае – если бы ты была лишена языка. В противном случае уже на следующее утро в Вгооклуп не было бы человека, который не обратился в агентство по продаже недвижимости. И цены на дома тогда не упали бы, а обвалились.

Разговоры разговорами, но вдруг Игорь, уже изрядно пьяненький, поднял руки и сказал: – Хотите, я вам спою?

И, не дожидаясь согласия, запел. Очень славно запел. Без надрыва. Как-то необычно спокойно, но при этом слова звучали так проникновенно, так чувственно.

У Игоря был тёплый такой баритончик, с лёгкой хрипотцой. И по саду начало растекаться: «Глядя на луч пурпурного заката, стояли вы на берегу Невы, вы руку жали мне, умчался без возврата тот сладкий миг, его забыли вы. Вы руку жали мне, умчался без возврата тот сладкий миг, его забыли вы...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.